

Игорь
Калинаускас

ПУТЬ В СЕБЯ

[Игры обыденной жизни]

Игорь Калинаускас

Путь в себя

«Автор»

2017

УДК 159.9
ББК 88.5

Калинаускас И. Н.

Путь в себя / И. Н. Калинаускас — «Автор», 2017

ISBN 978-5-99089-849-3

«Человек сделан из людей» – говорит Игорь Калинаускас, подробно разбирая типические черты человека, отделяя живого человека от его жизни, состоящей из запутанной сети конвенций и ограничений. «Живого человека увидеть очень трудно», – говорит Игорь Калинаускас, открывая читателям бесконечное богатство существа, соединив в себе субъективную и объективную вселенные. «Путь в себя – это путь постижения того, что дано каждому из нас и навыков пользования своей данностью для того, что быть счастливым», – говорит Игорь Калинаускас, предлагая технологию познания своего Я. В книгу вошли произведения Игоря Калинаускаса «Жить надо» и «Игры, в которые играет Я».

УДК 159.9

ББК 88.5

ISBN 978-5-99089-849-3

© Калинаускас И. Н., 2017

© Автор, 2017

Содержание

Жить надо	7
Часть первая. Мир людей	7
Живой человек	7
Первая фундаментальная патология обыденной жизни: мы и они	7
Вторая патология обыденной жизни: человек многоликий, или патология масок	8
Третья патология обыденной жизни: «Это не совсем ты»	9
Социально-психологические миры	10
О ненасилии между мирами	10
Миры близкие и не очень	12
Сколько миров и как их определять	13
Уникальные – одиноки	14
Защита от радости бытия	15
О спонтанности (смешная)	16
Человек рожден для счастья	18
Сознайтесь и согласитесь	18
Начало сознательной жизни	18
Самость и гордыня	19
О двух правдах (Отцу Павлу Флоренскому посвящается)	21
Кушать надо – жить надо!	23
Страсть и умозрение	23
Духовное сообщество как факт	24
Социально-психологические миры (продолжение)	25
Принцип объединения в социально-психологический мир	26
Границы миров	27
Строительство нового мира	28
Брать и давать	29
Большие дети	29
Любовь матери и отца	30
Трудится во имя «хочу»	31
Мир в наследство	31
Кредо	32
Жизнь: и смысл, и бытие	32
Работа и любовь	34
Часть вторая. Смыслы жизни	36
Тело человеческое	36
Отграниченность – свойство формы	36
Воплощение идеи отграниченности	37
Переживание своего тела	39
Сотворение себя для себя	40
О смерти и любви	41
Театр жизни	42
Во что играем?	43

Наблюдатель и творец	43
Любовь к себе и другим	44
Технология жизни, или кто кого живет	45
Технология жизни	47
Прекрасный частный мир	48
Великий замысел жизни	48
Играть или не играть?	50
Игра – великолепный источник переживаний	50
Жизнь человеческая	51
Кризисы смысла жизни в пути	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Игорь Калинаускас

Путь в себя

© Калинаускас И., 2017

* * *

Жить надо

Часть первая. Мир людей

Живой человек

Живого человека представить очень трудно. А главное – самого себя в качестве живого человека представить тоже очень трудно. Каждый, кто пытался это сделать, знает, как это трудно. Все время хочется с собой поступить так, как мы в большинстве случаев поступаем с другими и с миром, – вставить в рамку. Причем это такая рамка, в которую помещается только то, что лично для нас приемлемо, нам понятно и соответствует нашему мировоззрению, нашему представлению, нашим знаниям о том, как должно быть.

Это и есть та тема, которую я условно назвал психопатологией обыденной жизни. Я не имею в виду медицинский аспект. Речь идет о том, что очень трудно воспринять человека живым. Почему?

Во многих традициях высшим духовным достижением считается пережить себя реально, во всей полноте переживания, осознать себя частью человечества. Самым простым считается пережить себя частью Космоса. Поэтому сейчас так много людей, которые учатся непосредственно у Космоса. Еще больше людей, которые учатся не у всего Космоса, а, скажем, у звезды Орион, у двенадцатого или двадцать четвертого уровня реальности. Видите, даже тут вырезаются кусочки, чтобы облегчить себе восприятие безразмерного.

Более сложным делом считается переживание себя во всей полноте частью пустоты. И самым сложным – переживание себя как части человечества! Потому что живой человек еще труднее поддается какой-либо ограничительной концепции, чем мироздание. Ибо он содержит в себе такой диапазон, который принять полностью почти невозможно.

Сами мы распоряжаемся этим внутренним богатством или только пребываем в иллюзии, что распоряжаемся?

Или мы всю жизнь пытаемся доказать, что этого богатства, этой полноты в нас не существует: «Этого во мне нет, и этого во мне нет, и этого, и этого»? Есть, в каждом есть все. Мы все сделаны из людей, не из чего другого, даже если у нас учителя с Ориона. Это не меняет ситуацию, потому что сами-то мы все равно из людей!

Для того чтобы разобраться со всем этим, нужно иметь бесконечное мужество. В познании, как и в самосознании, явно или скрыто действует принцип: чтобы исследовать человека, надо его «убить». Нужно обрезать все лишнее, ненужное, с точки зрения исследователя, а то, что останется, изучать под названием «человек».

Естественно, что в повседневной жизни у нас нет такого мужества, нет такой любви и такого знания, чтобы воспринимать человека полностью живым. Поэтому за свою историю люди создали массу всевозможных приспособлений, которые позволяют уйти от столкновения с живым человеком.

Первая фундаментальная патология обыденной жизни: мы и они

Первое приспособление, чтобы уйти от столкновения с Живым, – это всем известное разделение на Мы и Они. Объем нашего Мы – это и есть та рамочка, через которую мы смотрим и на себя, и на другого человека. Все, что Они, – выпадает.

А ведь критериев определения по отношению к тому, что это Мы или Они, огромное количество.

Они – это те, которые не верят в это, в то, третье, десятое.

Они – это те, которые живут не так.

Они – это те, которые действуют не так.

Они – это те, которые нечестные, такие-сякие. Они, они, они...

Где мы живем? В небольшой компании Мы, а кругом – Они. Какая часть человечества – Мы? Кругом Они. А нас, которые Мы, очень немного. Чем нас меньше, тем больше Я. Таких, как Я, мало, а кругом Они, они, они...

Первая фундаментальная патология жизни, когда при любом контакте с человеком происходит попытка прежде всего выяснить: «наш – не наш». Доведенный до абсурда, этот принцип приводит к тому, что отец доносит на сына, сын доносит на отца, мать отрекается от детей, дети отрекаются от родителей. А как жить с не нашим? Как жить не в Мы?

Как жить просто среди живых людей? Вот над этим и думают духовные мыслители всех времен. Оказывается, это самое трудное, почти невозможное. Потому что для этого и себя нужно воспринять как живого, в котором все есть, и быть готовым к странствию по социально-психологическим мирам, готовым быть своим везде.

Никого не интересует человек, каков он есть сам по себе. Пока не выяснена принадлежность: из какого он Мы?

Очень часто общаешься с людьми и выясняешь, что они вообще не знают, как выглядят их мать, отец, жена, муж, дети. Не знают и никогда над этим не задумываются. Главное, рядом все свои. Главное, чтоб жизнь проходила незаметно, и никого вокруг не надо было замечать.

Пришел домой, и чтоб ничего не раздражало, то есть ничего не высывалось. А чего мы не замечаем, того как бы и не существует. День не замечаем, месяц, годы, а потом: ах, откуда такое взялось? Откуда у таких родителей такие дети? И наоборот, у таких детей такие родители? И почему невесты все хорошие, а жены – жуткие? А почему женихи все такие обаятельные, а мужья все – сволочи? Да по той же самой причине.

«Давайте хотя бы поделим, – говорят, – людей на мужчин и женщин и будем разговаривать о мужском и женском начале, об их преимуществах и недостатках. И уже хорошо, и уже не все черные. Мы – женщины или Мы – мужчины». Покажите мне такого мужчину, в котором нет ничего женского. Не вижу. И женщину, в которой нет ничего мужского, не вижу. Но все пытаются представить себе, что не существует ничего другого, что они только такие, какими себя знают.

Встретить живого человека очень трудно. Не потому, что он прячется. А потому, что мы от него бежим. Вот где источник психопатологии обыденной жизни.

Вторая патология обыденной жизни: человек многоликий, или патология масок

Следующая патология обыденной жизни состоит в том, что человек многолик. То бишь у него есть маска (персона), у него есть лица для социальных ролей, у него есть индивидуальность, у него есть сущность, у него есть искра божья, у него есть то, се, третье, десятое.

Казалось бы, ну что плохого в том, что у человека так много всего есть? Какая тут может быть патология? Не я ли сам в своих книжках и лекциях говорил, что вообще каждое общение должно способствовать пробуждению сущности? Ну, пробудили. Что дальше? Все остальное отрезать? Нельзя.

Почему? Да потому, что в человеке ничто не важнее другого, человек – целое.

Получается еще один способ защититься от живого человека: «Это не я, это моя личность». Чего ты ко мне пристал, я с ней борюсь, но пока еще не доборолся. Но я знаю, что сущность – вот она. Это не ты, говорят мне. Это твоя личность. А вот я вижу твою сущность. Она совсем другая. Это не ты, это тип нервной системы, скорость реакций, особенность организма. Это не ты, просто альтер-эго, это не ты – это суперэго. И поехало, и пошло: это не ты...

Итак, вторая большая патология нашей обыденной жизни – это когда человек не осознает себя как субъекта и поэтому полностью зависим от внешних по отношению к нему сценариев социальной жизни.

Третья патология обыденной жизни: «Это не совсем ты»

Мы можем зафиксировать следующую патологию с таким названием: это не совсем ты. Ну и, естественно, я – это не совсем я.

Мало того что мы одну стену построили из Мы, у нас есть еще вторая стена, второй пояс укрепления, еще более мощный: все не совсем, даже наши не совсем наши.

Представьте себе ситуацию: перед вами человек. Учить его не надо, учиться у него тоже не надо, не надо исправлять его недостатки – ведь это продолжение его достоинств. Берешь недостаток, делаешь достоинство.

Что же с ним делать? А ничего. Просто любить. Как это – любить и ничего с ним не делать? А древние говорят, что это и есть любовь. Именно тогда, когда вам с человеком ничего не нужно делать. А просто хочется с ним быть, бытийствовать совместно. Говорят, это и есть любовь, которая крепка как смерть, та любовь, о которой мы все мечтаем. Но для того чтобы его любить, нужно сказать, что он – такой, какой есть, это он со всем тем, что в нем есть. И даже с тем, чего в нем нет, потому что просто я этого не вижу.

Значит, патология в том, как мы воспринимаем себя и друг друга: ты – не ты и я – не я.

С этим связана еще одна проблема – неумение жить в настоящем времени, неумение принять прошлое таким, каким оно было. Постоянная борьба с прошлым – самое бесполезное из всех бесполезных занятий.

Для каждого из нас все, кто сейчас с ним рядом, самые важные (согласно мудрецу). И время вот это, сегодня, сейчас – сколько там на часах? – тоже самое важное для каждого из нас. А самое важное дело, если верить мудрецу, – это любовь между нами в данный момент. И ничего более важного сейчас не существует. Да кто же в это поверит? Ну если и «поверит», то кто же так жить будет? Вот и возникает еще один вариант бегства от живого.

К чему же мы реально приходим? К тому, чтобы жить в пустоте, где нет ничего живого и непредсказуемого. В том числе и меня самого. И полным ходом, как говорили древние египтяне, на тот берег реки, то есть Нила. Помните, что там находилось? Царство мертвых. Вот там все нормально. Там все исчислено, предсказуемо.

Но тут же начинается бунт умозрения. Так что же тогда, все прекрасно в этом лучшем из миров? И ничего не надо делать? Ничего.

Есть замечательное размышление у Павла Васильевича Флоренского о том, что существуют две силы. Первая – это сила природы, которую мы боимся потому, что она подчиняется только естественному ходу вещей. Она обладает силой живого. Вторая – сила духа, которая не обладает силой живого, ибо дух бесплотен. Он может лишь структурировать этот кипящий котел жизни. Только союз этих двух сил дает познать истину. А зачем нам истина, если мы жить хотим? К чему ведет истина: к тому, чтобы просветлеть, или к тому, чтобы жить? А разве жить в истине не интереснее, чем во тьме? Хотя, конечно, это очень

трудно. Потому что трудно найти баланс между «томлением духа» и требованиями социальной жизни.

И вот социальное структурирование человека, человеческой жизни – это еще одна большая проблема, связанная с нашей темой.

Социально-психологические миры

В жизни людей существует система более или менее замкнутых психологических миров, внутри которых человек живет, как правило, всю свою жизнь. В них он черпает основание для утверждения своеобычности, своей самооценности.

Социально-психологический мир рождается постепенно. Сначала это круг семьи. Потом – круг знакомых семьи. Затем – подсознательный отбор близких знакомств.

Уже в детском саду начинается подсознательный отбор, в котором участвуют индивидуальные признаки человека, темперамент и прочее. Но гораздо большую роль в этом выборе играют культурологические признаки, то есть принадлежность к определенному социально-психологическому миру с определенной системой критериев, с определенным взглядом на человека и жизнь человеческую. На то, что возможно / невозможно, допустимо / недопустимо. Со своей иерархией ценностей, со своей системой реакций на поведение другого человека и так далее.

Такой отбор подсознательно начинается с детства. Это как бы продолжение той темы, о которой мы говорили: Мы и Они. Только уже с точки зрения не внешней, а внутренней жизни самого субъекта.

О ненасилии между мирами

Когда люди вступают в какое-либо взаимодействие, каждый отстаивает свой мир, покушение на который воспринимается как покушение на самого человека, потому что социально-психологический мир – это тело личности. За редчайшим исключением, человек не покидает свой социально-психологический мир даже тогда, когда не имеет никаких контактов с его персональными представителями.

Если мы изыдем человека из его привычного окружения и поместим в ситуацию, в которой у него нет ни одного контакта с человеком того же социально-психологического мира, он в поведении адаптируется к новой ситуации, но внутренне не покинет свой мир.

Покинуть свой мир значит отказаться от себя. А отказ от себя, в качестве осознанной цели, присутствует только в некоторых эзотерических традициях, относящихся к трансформационным. Ни традиции силы, ни традиции медитативные, ни традиции ситуационного управления такой задачей всерьез не ставят. Ибо тысячелетний опыт показывает, что более сложной задачи, чем покинуть себя, вылупиться из матки своего социально-психологического мира, перед человеком поставить невозможно. Даже если вам удастся создать ему для этого мотивацию.

Осуществить переход из одного мира в другой, не просто адаптироваться, а реально перейти в него – задача такой степени сложности, что лично я ничего более трудного в своей жизни не встречал. Вот почему люди, заявляющие, что они учатся непосредственно у Космоса, находятся в гораздо более выигрышном положении, чем те, кто действительно учится. Так как те, кто учится у Космоса, сами бессознательно контролируют степень своего преобразования, им не надо покидать свой социально-психологический мир, не надо покидать себя, а наоборот, Господь Бог спускается персонально к ним.

Даже искренне верующие люди, принадлежащие к одной и той же религии, настолько не похожи друг на друга, что даже начинаешь сомневаться, что они верующие, ибо верят они в рамках того, как понимается вера внутри их социально-психологического мира.

Нет ничего другого, к чему человек был бы столь прочно прикреплен, как к своему социально-психологическому миру.

Это не плохо и не хорошо, это почва, на которой вырос человек, он связан с ней корнями, всем своим существом. Он сам есть этот мир. И когда мы говорим: «Познай себя как часть мира и мир – как часть себя», то, строго говоря, надо не Космосом и Вселенной заниматься и даже не биосферой или ноосферой. Надо заниматься познанием своего социально-психологического мира, мира, в котором ты реально живешь, реально закреплен.

Если человек этого не сделал – дальше все игра, театр. Потому что, не познав себя в этом качестве, ни о каком дальнейшем самопознании говорить не стоит.

Что происходит в результате этой прикреплённости? Она рождает насилие.

Когда нормы одного социально-психологического мира навязываются людям, принадлежащим к другим мирам, тогда и происходит насилие. Очень тонкое, бессознательное насилие. Бывают и явные формы: типа «Наша вера самая лучшая». Кто не нашей веры, тех по голове надо бить и срочно спасать, потому что они заблуждаются. Но это еще хороший вариант, потому что здесь хоть видно, чего человек хочет, какую дубинку он держит, можно тоже взять в руки дубинку и сражаться.

Страшнее всего, когда ни один, ни другой, ни третий – никто не понимает причины происхождения конфликта, и тогда начинается погром. Потому что идет неадекватная трактовка самого ощущения насилия.

Есть, конечно, мазохисты, конформисты-мазохисты, которым насилие над ними доставляет большое удовольствие, и они делают вид, что все приняли, и ловят кайф на этом, но это же не означает, что они на самом деле перешли из одного мира в другой. Представьте, что человек все время делает так: «Да, учитель, да!» Но ничего не происходит. Всем видно, что это неискренне. То есть получается театр. В дурном смысле этого слова. В адаптации к требованию, от которого нельзя уклониться, ничего здорового нет. Хотя с точки зрения человека все это может быть совершенно искренне, если под искренностью понимать неосознанность: человек просто не осознает, что подчиняется насилию.

Современные условия жизни все время людей перемешивают: на работе, в компании, в группе обучения собираются индивиды совершенно разные, из разных социально-психологических миров. Когда у группы есть руководитель, для него она сразу делится на тех, кто ему нравится больше, на тех, кто нравится меньше, и на тех, кто не нравится совсем. И если он не осознает это «нравится – не нравится», то есть неосознанно действует исходя не из профессии, не из той ситуации, в которую люди пришли, заключив соглашение о купле-продаже товара, будь то знания, умения, информация, – то начинается насилие.

Как же быть с мужьями и женами? Два человека полюбили друг друга и решили быть вместе, а они из разных социально-психологических миров. Допустим, все замечательно: и по гороскопам, и по соционике, и по всем психоэнергетическим данным – подходят. А все равно не получается. И оказывается, что адекватно объяснить ситуацию можно, только поняв, что они из разных социально-психологических миров.

Это колоссальная проблема: преодоление отчуждения. Возможна ли совместная жизнь, вернее, смогут ли они построить третий мир, стать родоначальниками нового социально-психологического мира, где будут патриархами, прародителями? Простым совмещением создать нечто новое не получится. Каждый из влюбленных (супругов) должен выйти за пределы своего мира и построить из этого материала третий мир или найти этот новый общий мир. Иначе будет непрерывная борьба. Даже если один из них склонен подчиняться,

а другой руководить, то есть для одного из них подчинение не вызывает напряжения, а наоборот, разгружает психологически, борьба будет продолжаться. Это сродни попытке посадить в одну кадку тропическое растение с его землей и растение из средней полосы с его почвой. Что будет – неизвестно. И почва разная, и микроорганизмы различные, и климатические условия.

Социально-психологические миры несовместимы не потому, что они по-разному относятся к культуре. А потому, что у них разная иерархия культурологических ценностей. Возьмем двух «одинаково культурных людей» в смысле образованности, начитанности, но из разных социально-психологических миров. Неадекватную реакцию, с точки зрения друг друга, они будут выдавать в совершенно неожиданных ситуациях.

В мире одного – это святыня, а в мире другого человека – ничто. Кто прав? Оба. В этом нет сознательности.

Миры близкие и не очень

Есть миры, которые ни в каком месте не пересекаются, хотя на первый взгляд очень похожи. В отсутствии понимания, умения осознать эту составляющую человеческой целостности коренится одна из самых распространенных форм патологических отношений в обыденной жизни. И, я думаю, в этом же факте коренится одна из самых сильных мотиваций духовного сообщества к поиску такого мира, в котором мы все могли бы укорениться как братья и сестры, не становясь одинаковыми. Это непрерывный поиск мира, универсального по отношению ко всем остальным.

Проблема эта жизненная, порождающая знаменитый принцип человеческих отношений: «Мухи – отдельно, котлеты – отдельно!» Принцип, необходимый для того, чтобы вести совместную деятельность с людьми, принадлежащими к различным социально-психологическим мирам.

И в то же время – это препятствие в стремлении человека к целостности, я уже не говорю – к тотальности. Ибо разделенность (человек как целостность в данном случае разделен на «себя для своих» и «себя для чужих») позволяет осуществлять совместную деятельность, и это плюс.

Но та же разделенность не позволяет добиться целостности своего внутреннего мира вне своего социально-психологического мира, и это минус. Минус, если ставить перед собой задачу достигнуть целостности. Это колоссальная проблема, потому что речь здесь идет о живой ткани человеческой жизни. Не о выдумке, не о социальной конвенции, не о социальной роли, не о защитном механизме личности – о самой личности. Ибо это почва, это воздух, пища, это матка, лоно материнское. Выйдя из этого лона и перерезав пуповину, человек перестает быть человеком в бытовом смысле этого слова, в обыденном смысле. Он становится нелюдем. И он обречен.

С этого момента назад дороги нет. Потому что мир человека – это и есть человек, это его неотъемлемая часть. И только в силу неизвестных таинственных влияний у некоторых людей возникает мотивация покинуть этот свой мир.

Человек, покинувший свой социально-психологический мир, – это человек, покинувший самого себя, в обыденном смысле этого слова. Не надо путать этот процесс с принципом движения по социальным слоям общества, когда человек из низов пробивается в верхи, из колхозников в артисты, из чернорабочих в ученые.

Одно дело – профессиональная зависимость, или социальная, или функциональная, от человека. А другое дело, когда это затрагивает законы и ценности твоего социально-психологического мира, когда ты вынужден быть не самим собой, играть в чужую игру, в игру чужого социально-психологического мира, в котором другие ценности.

Но опять-таки процесс не сводится к простому анализу ценностных структур людей, потому что ценностная структура – только скелет, а свой социально-психологический мир – это плоть, это дыхание, он обуславливает мельчайшие детали поведения, думания, мечтания. Как только человек становится спонтанным (то есть действует без внутренней цензуры, доверяя себе), а спонтанность – это единственное живое состояние человеческого существа, момент полной самореализации, – он тут же обнажает весь свой социально-психологический мир.

Принадлежность человека к социально-психологическому миру, степень совместимости двух или более социально-психологических миров – это глубинная проблема человеческих отношений. Решается она пока только одним способом – способом жертвы. В жертву приносится то, что для всех является самым первостепенным, – целостность человека.

Получается, что целостность человека реализуется только внутри его социально-психологического мира. Тогда становится понятно, что сословная или цеховая организация в прошлом имела позитивное психологическое содержание. Дворяне везде дворяне. Купцы были купцами, заводчики – заводчиками, чиновники – чиновниками.

Почти никто не пускался в путешествия по другим социально-психологическим мирам – все боялись, что не смогут вернуться. И даже идеал вертикального социального продвижения существовал только для отдельных авантюрных натур. А укоренялись «наверху», как правило, их дети, а чаще всего внуки, третье поколение.

Жизнь человеческая не есть нечто одинаковое для всех, эта ткань содержит в себе совершенно разные, удивительно разные моменты. Зная о разнообразии социально-психологических миров, о том, что социально-психологический мир есть неотъемлемая часть личности, сущностная часть, мы сможем понять парадоксы духовного взгляда на мир, на людей, на человеческие отношения. И может быть, ощутить вкус такого социально-психологического мира, в котором эти противоречия не уничтожают индивидуальности, – тот мир Бога, или мир Любви, в котором две вещи – есть одна вещь, в то же время оставаясь двумя вещами. Это знаменитый факт мира Любви.

Но жить так практически очень трудно, это требует очень большого внимания, осознания и неподдельного интереса к другим способам жизни. И признания права на существование любого способа жизни. Это не значит, что если я понял законы твоей жизни, то обязательно с ними согласился. Но признать право на существование любого образа жизни – это значит открыть реальный путь к реализации заповеди Христовой «Возлюби ближнего твоего, как самого себя». Или «Любите врагов ваших».

Или путем рациональным, или путем переживания надо напоминать себе о социально-психологических мирах и начать смотреть на людей и на человеческую жизнь с этой позиции. Начать замечать, научиться видеть эти социально-психологические миры, признавать их право на существование. Научиться вступать с ними в диалог, даже если они очень не похожи на ваш мир.

Сколько миров и как их определять

Как очертить границы социально-психологического мира? Они очерчиваются очень просто: как только вы попадаете в чужой социально-психологический мир, так тут же начинаете понимать границы своего. Но помните, в этом случае речь идет не о социальном мире, мире социального положения, это совсем другое. В социальном обществе есть слои. Скажем, номенклатура – это особый слой. Например, в театральном мире, если ты попал режиссером в республиканский театр, ты будешь в этом слое всю жизнь: из одного республиканского театра в другой. Попал ты, например, в областной – всю жизнь будешь по областным. Если

попал в городской, то, чтобы переместиться, скажем, в круг областных, нужно пожертвовать тем положением, которое ты имеешь в городском театре. Но это не социально-психологический мир, это социальный слой.

Социально-психологические миры совсем не обязательно включают в себя людей из одной социальной плоскости, то есть места в социальной иерархии. Туда могут входить и люди «верхов» общества, и «низов». Есть такие миры, где спокойно совмещаются совершенно разные социальные пласты общества. Но социально-психологически они составляют один мир, и этот мир определяет в человеке так много, что невозможно отделить человека от этого мира. А мы говорим о том, в чем человек живет психологически и в большинстве случаев просто не осознает этого. Как правило, человек всегда уверен, что так или почти так, как он, живут все. И любое резкое отклонение от этого – уже ненормальность.

Нам хочется принадлежать к как можно большему Мы. Поэтому нам хочется, чтоб все жили как мы. Или хотя бы похоже. И подсознательно мы уверены в том, что пусть одни менее, а другие более благополучны материально, морально, но, в принципе, все одинаково любят, ненавидят, ссорятся, лгут и так далее. Но в том-то и дело, что нет. Лгут все по-разному. В зависимости от того, к какому социально-психологическому миру принадлежат. И правду говорят по-разному. И любят по-разному. И дружат по-разному.

Но везде все есть – и дружба, и доброта, и кодекс чести, в любом социально-психологическом мире, но они зачастую совсем не похожи друг на друга. В каждом мире свои законы. Что можно, чего нельзя, что принято, что не принято. Есть социально-психологические миры, в которых понятие дружбы имеет такое конкретное содержание, что в другом мире – это просто мордобой.

Уникальные – одиноки

В нашей жизни гораздо больше типического, чем мы все предполагаем, хоть это как-то и обижает нас. Как говорил Гурджиев: «Мы все, ребята, действительно разные, но совсем в другом месте».

Найти в себе место истинной уникальности, с одной стороны, невероятно трудно, а с другой стороны – надо ли? Смею вас уверить, что, обнаружив свою уникальность, вы особой радости не испытаете. Потому что, как только вы ее обнаружите, усилится чувство вашего одиночества. Потому что в этом месте, где ваша уникальность, вы действительно один.

Вы будете всю жизнь искать еще одного такого! С такой же уникальностью. Потому что нет большего наказания для человека, чем изоляция. Не обязательно физическая, она может быть и психологической, и познавательной. Представляете ученых, у них такие бывают ситуации, когда кого-то из них могут понять только три человека в мире. Один живет в Новой Зеландии, другой в России, третий в США, а сам он где-нибудь в Англии, в Кембридже. Только они четверо могут друг друга понять в этом мире, и больше никто. Представляете, какую ценность для них имеют их контакты?

Или, скажем, люди на работе, – как мы говорим, люди, профессионально живущие в мире духовного сообщества. Когда мы встречаемся, вы не представляете, какое это счастье! Все равно, к каким традициям мы принадлежим. Просто можно пообщаться со своим человеком, нас же мало.

Мы все время в двойственности: с одной стороны, хотим выявить свою уникальность, обнаружить свою неповторимость, а с другой стороны – не дай бог! Более того, большинству страшно даже выявить свой социально-психологический мир, понять, каков он на самом деле. А вдруг реально вокруг никого из этого мира не окажется? Не зря же говорят, что ничто человек так не хочет знать, как самого себя, и ничто человек так не боится узнать, как самого себя. Это инстинктивная защита.

Защита от радости бытия

Защиту обуславливает самосохранение. А обнаруживается она социумом. Человек сделан из людей. Одинокие потомства не оставляли, как правило.

Спрашивается: как покинуть свой социально-психологический мир? С одной стороны, самый прямой путь – это путешествие по разным социально-психологическим мирам, там постепенно узнаешь, откуда ты сам. А с другой стороны, по мере накопления знаний можно путем саморефлексии сделать это, но для такого способа требуется большое мужество, потому что ты можешь оказаться совсем не оттуда, откуда хотел бы быть.

Ситуация все та же. Человек хочет и одновременно не хочет знать правду о себе. Есть старинное выражение: «То, что в нас ищет, и есть то, что мы ищем». Это томление духа.

Пока идешь, все понятно – вон цель, вот я, вот дорога. Я иду. А вот когда доходишь, когда цели реализованы, когда никакой другой цели придумать невозможно, потому что для этого надо иметь определенную долю иллюзии, тогда остается это странное занятие – жить.

Напутственным словом моего Мастера было: «Жить надо!» – и это самое сложное. Потому что автоматически ничего не срабатывает, кроме биологических потребностей тела. И то их, в принципе, можно подавить. Когда знаешь, что в любой момент можно включить программу на саморазрушение, и так, совершенно естественно, умрешь. Естественно для всех, кроме себя. И это в твоей власти. Это очень хорошо стимулирует.

Никогда не ленюсь объяснять: это не лучше и не хуже, не выше и не ниже, это другой способ быть в мире. Осознавать свою уникальность – это значит быть в мире одному. Не в смысле без людей, в скиту, в пещере, а в смысле один на один.

Не является ли одной из важнейших патологий нашей повседневной жизни эта псевдоповседневность, лишившая нас самого главного, ради чего мы на свет появились, – радости быть? Кому мы это оставили? Кто забрал мои переживания? Кто забрал жизненный тонус? Кто забрал радость быть? Аноним под названием «наша цивилизация». Аноним под названием «обстоятельства». Ну, так если аноним забрал, почему бы нам не забрать это назад? Хозяина-то все равно нет. Ни власть, ни нищета, ни богатство, ни знания, ни отсутствие их – ничто и никто не может помешать человеку быть. И радоваться этой жизни.

Это не означает, что у вас все будет прекрасно, это не означает, что вы не будете страдать, мучиться, печалиться, – будете. Но это означает, что все здание под названием «жизнь» будет иметь фундамент под названием «радость бытия».

Замечательное поколение психологов, философов, прошедших ужасы двадцатого века, – Фромм, Франкл, Маслоу, – еще раз сказали человечеству известную, но великолепную сентенцию: «Смысл жизни – в жизни». В ней самой есть смысл. Она сама есть смысл свой. Слово о Слове, обращенное к Слову. И если это утеряно, тогда никаких других смыслов нет. Тогда жизнь – это драка. Побойце за урожай, за место под солнцем, за карьеру, власть, знание. Потому что это символ нашей с вами псевдожизни – соревнование! И победитель должен быть один.

Я заговорил о празднике, и легкая грусть посетила меня. Потому что я и сам попадался в ловушку серьезности, псевдосерьезности. Потому что и я – дитя этой цивилизации, был им, и если бы не духовная традиция, к которой я принадлежу, то так бы и думал, что главное – быть умным. И много знать. И продан бы за знание, как продавались на моих глазах замечательные люди. Если есть дьявол, то это знание. Люди за знание продают любовь, дружбу, идеалы, честность, порядочность, душу свою продают. Умерщвляют ее. Все отдают. А от любви уже никто не умирает. От страсти уже никто не сходит с ума.

Я призываю вас к тому, к чему призывал Николай Кузанский: к ученому незнанию. К тому, к чему призывал Сократ. А ведь они жили тогда, когда мир переживаний еще имел

равноправную с миром знания ценность. Принцип, символ высшего знания, абсолютного знания – пустота. Мир знания психологически пуст.

Без знаний, конечно, никак нельзя. Но они должны быть ориентированы практически.

А праздник, спонтанность требуют огромного количества свободной эмоциональной энергии. Еще древние говорили: «Богатства и изобилия, служащих пищей и удобрием для духовного роста, не следует избегать», «Океан удовольствия для мудрого». Нужно помнить, что переживание праздника – это благородная трата энергии. Чем больше вы вкладываете, тем больше получаете. В мире переживаний этот закон действует на сто процентов. Так что спонтанность, конечно, дело хорошее, но кушать надо. Так мы и есть тоже не умеем. Поэтому энергии совсем нет.

О спонтанности (смешная)

Что такое спонтанное поведение? Это когда я делаю то, что мне хочется делать в данный момент. И ничего другого. Собственно, единственное, чему надо научиться всерьез, – позволять себе быть спонтанным.

Что нас очаровывает в детях? В маленьких детях, лет до пяти, если они, конечно, находятся в более или менее нормальной обстановке, – это именно спонтанность их поведения, абсолютная искренность в любом проявлении. А когда мы становимся взрослыми, то уже сознательно приходим к тому, что только спонтанное поведение есть поведение, утверждающее собственную самооценку, самореализацию в полном объеме.

Мы пробуем, и у нас в большинстве случаев ничего не выходит. В строгом смысле слова, любое нарушение спонтанности есть психопатология. Мы используем понятие психопатология в контексте психопатология обыденной жизни, не в медицинском смысле слова, а в смысле того, что мешает полноценной самореализации, полноценному ощущению себя как субъекта, как самооценной индивидуальности.

Посмотрите на себя изнутри и снаружи. Кто из вас свободен сейчас? Спонтанен? Что это за страх? И откуда он взялся? Этим страхом вы обязаны родителям, потому что именно родители объясняли, как хорошо себя вести, как нехорошо. Они наказывали и поощряли. Потом то же происходило в детсады, в школе и так далее. И каждый из нас знает, подозревает, что вообще-то он не такой, как надо. А раз я не совсем такой, как надо, или совсем не такой, значит, я должен за собой следить.

А что такое следить за собой? Это значит выделить в себе надзирателя, контролера – как угодно назовите, – который будет все время следить, как я себя веду, как сижу, жестикулирую, двигаюсь, и так далее, и тому подобное. Когда же тут заниматься кем-нибудь еще, кроме себя?

А осознали ли мы, что большая часть запретов давно устарела и относилась к ребенку, а не к нам нынешним? Осознали ли мы, что вообще-то большинству людей глубоко безразлично то, как мы себя ведем на самом деле? В действительности все заняты собой и своими страхами. Если мы это осознаем, то поймем, что не можем захотеть ничего такого сверхъестественного, чего не захотел бы кто-нибудь другой.

Можно быть спонтанным, и никакого наказания не последует. Страх спонтанности – это один из источников патологии обыденной жизни. Это пирамида детских страхов, на которую все еще настроены умозрительные концепции, усвоенные в более зрелые годы. Стоит внимательно, спокойно, взрослыми глазами посмотреть на эту пирамиду, как она сама собой начинает рушиться.

У нас большая проблема, потому что мы знаем, как надо себя вести. Нам сразу хочется сделать свободному человеку замечание. Ведь мы тоже так хотим, но боимся. Поэтому он,

спонтанный, для нас хулиган, невоспитанный и наглец. Мы скручиваем себя, и в обществе неуклонно повышается уровень невротизации.

Повышение уровня невротизации – колоссальная проблема современного города. Возникла она как следствие ущемления эмоционально-чувственной сферы. Чем большая часть нашей жизни подчинена всяким и разным конвенциям, тем сильнее мы будем контролировать свое поведение в соответствии с ними, тем больше энергии будет уходить на этот контроль, потому что иначе могут и наказать. Человек перестает верить своим эмоциям и, даже придя домой, не может освободиться от самоконтроля, не может быть спонтанным.

Ущемление эмоционально-чувственной сферы снижает жизненный тонус. И возникает знаменитый парадокс: наши бабушки намного энергичнее наших внуков.

Мы читаем книжки, написанные для совершенно других людей, у которых мир переживаний во много раз грандиознее и сильнее мира размышлений. До XVII века на Земле вообще не существовало такого общества, в котором рассуждение доминировало бы над переживанием. Не существовало-ло! Поэтому отдельные мыслители, которые сумели свои переживания облечь в логические формулировки, поражают нас до сих пор.

А мы живем, опираясь на рассудок, на умозрение, на рациональные конвенции, которые уже стали иррациональными, потому что происхождение их скрыто во тьме подсознания. Почему нельзя смеяться на улице? Кто мне объяснит? Все знают, что неприлично. Это что, не патология? Кому опасен смех на улице? Что рухнет от этого? Что, это нарушит правила дорожного движения, аварийную ситуацию создаст? Нет. Но все знают: смех – это беспорядок. Все потому, что мы постоянно находимся под контролем рассудка.

А если нет нормального, полноценного мира переживаний, если спонтанность исчезает, извините, тогда даже в постели с любимым человеком – «*cogito ergo sum*», извините еще раз. Не зря же такая поговорка есть: «Истину, как и жену, мы любим только в темноте». Чтоб никто не видел.

Только переживание сохраняет целостность пространства сознания, целостность субъективной реальности как таковой, несмотря на неполноту, дробность, расчлененность и дифференцированность логически-конструктивных шагов. Оскудение эмоционально-чувственной сферы – это причина невротизации. Проявление этого оскудения – в снижении спонтанности поведения. Но снижение спонтанности ведет к тому, что человек все меньше и меньше осознает свою самооценку. Самоценность самого факта жизни.

Чтобы доказать самому себе свою ценность, функциональную и социальную, человек судорожно начинает хвататься за внешние признаки: социальный статус, престиж, имидж, упаковку. Одним повезло: у них очень дорогая, красивая упаковка, другим – нет. Но ведь человек-то живет, а значит, ценен.

* * *

Мы рассмотрели один источник психопатологии обыденной жизни. Это ущемление мира переживания в течение последних 300–400 лет развития цивилизации, это засилье конвенционального поведения, не дающего человеку проявляться спонтанно, значит самоценно. Последствия этого можно увидеть (я сейчас нарушу приличия), даже когда человек отправляет естественные надобности у себя в туалете, закрывшись на крючок. Проверьте на себе. И там вы не свободны. Не только наедине с миром, не только беседуя о духовных вещах, но даже наедине с собой – мы не спонтанны. Поэтому так трудно понять, что такое импульс, что такое момент истины, что такое резонанс.

Человек рожден для счастья

Мы в всей нашей цивилизации, воспитаны с позиции воина. С позиции сражения. Мы просто забыли, что, как говорил не очень любимый мной писатель В. Г. Короленко: «Человек рожден для счастья, как птица для полета». То есть это как бы ему присуще.

Куда делся праздник? Почему все такие озабоченные? Почему нас приучили ко всему относиться с какой-то болезненной серьезностью? Мало того, нас убедили в том, что именно такое отношение есть серьезное! Но это же все неправда. Маниакальное состояние не означает состояние серьезности, так же как состояние наркотического возбуждения не означает состояния веселья, расслабленности. Мы потеряли чувство партнерства, прежде всего с самими собой. Я всегда говорю: если человек не рад тому факту, что он живет, чему он вообще может радоваться?!

Уровень праздника возможен только при одном условии: если вы допустите, что самоценны сами по себе, безо всяких предлагаемых обстоятельств. Самоценны потому, что вы в человеческом теле, потому что вы живой. Потому что вы хотите и не хотите. Потому что вы хотите – думаете, а хотите – не думаете. Это вы – человек. Образ человечества. И вокруг человеки. Но это же большая удача! Огромная удача!

Так возрадуемся же, человеке!

Сознайтесь и согласитесь

Всегда следует помнить исходный момент. Как только исчезает живое со всей его непредсказуемостью, со всей его тайной, со всей невозможностью запихнуть живое в какую-то единственную, концептуальную структуру, начинается то, что мы договорились называть психопатологией обыденной жизни. Быть живым – это и есть главная проблема для человека, который пытается осмыслить, что такое жизнь, в которую он попал, что такое он сам и что такое человеческие отношения, в которые он втянут.

Я пользуюсь пассивными формами, потому что, как только мы начинаем задумываться, мы обнаруживаем, что, как говорил Гурджиев, «Главная иллюзия – это иллюзия делания». Якобы мы что-то делали. И в этой иллюзии мы живем до тех пор, пока просто нормально не задумались. Как только мы задумываемся, так выясняем, что находимся в какой-то пассивно-страдательной позиции.

В жизнь эту я попал. Не пришел, а именно попал.

В этого человека я, как самосознание, как «я есмь», тоже попал.

В эти отношения – опять же попал.

И чтобы начать что-то осознавать, я должен сделать самый первый шаг, тот, который за меня не сделает никто: ни Бог, ни царь и ни герой. Я должен сознаться своему разуму, что я – лицо бездействующее. И только сознавшись в этом, я смогу это пережить.

Но как только разум подводит нас к этому выводу, мы тут же начинаем его глушить, не даем себе разрешения сознаться. А значит, не даем себе возможности это пережить и начать сознательную жизнь.

Начало сознательной жизни

В строгом смысле слова, сознательная жизнь начинается с осознания того, что ее не было. И, как ни жалко прожитых лет со всем прекрасным и ужасным, что в них было, они были бессознательными. Независимо от того, сколько их там прошло.

Если вы сумеете сознаться своему разуму и обрадоваться в своем переживании тому что дожили до этого самопризнания, то, даже если вам восемьдесят лет, это большая удача.

С этого именно момента, с этого признания вы получаете действительное основание для самоуважения. Вы перестаете быть рабом, кнопочным механизмом, который никакого самоуважения не имеет и вынужден создавать его иллюзию за счет выманивания у окружающих подтверждения, что он достоин уважения.

Уважение, самоуважение настоящее, глубинное рождается в человеке только тогда, когда он перестает быть лицом бездейственным, а значит – бессознательным, и делает первые шаги к тому, чтобы стать действующим лицом в жизни. Стать автором самого себя, своей жизни и своего отношения к жизни.

Для этого момента нужно не только понимание, но и согласие, без которого не будет соответствующего переживания, а без переживания, соединенного с пониманием, не будет осознания. Когда осознание происходит, мы получаем шанс стать, наконец, действующим лицом. И только тогда все наши разговоры о мерах, направленных на преодоление психопатологии обыденной жизни, имеют смысл.

Тогда мы получаем шанс, опираясь на это основание для самоуважения, постепенно построить реальное «Я сам». Ибо без такого самопризнания нет самоуважения, а без самоуважения нет самооценности, нет самовоспитания, никакого настоящего «само» нет.

Как показывают наблюдения, к этому подходят очень многие люди, но им не хватает сил переступить черту, потому что жалко отдавать прожитые до этого момента события. Ведь если вы признались, что вас не было до этого времени, значит, это все не ваше. Это было с вами, но это не были вы.

Но как только с человеком его жизнь перестает случаться, а начинает идти не к нему, а от него, как только он действительно начинает становиться автором себя, – мгновенно отпадает целый воз выдуманых и невыдуманых проблем, потому что это – не ваше. Это проблемы тех и того, что вас вело, что с вами случалось, что вами руководило, что вам внушало. Больше эти вопросы не ваши. Будьте внимательны!

Самость и гордыня

Каковы же главные навязанные, внушенные, внедренные в процессе социализации проблемы, которые позволяют нам жить в иллюзии, что мы якобы действуем? Таких проблем две: самость и гордыня.

Что это означает? Прежде всего это иллюзия под названием: «Я все могу сам». Не только могу, но и на самом деле сам решаю, сам делаю, сам выбираю, сам отказываюсь, сам соглашаюсь.

Откуда она идет? Вспомним детство. Помните (а если забыли, так видели у других), как ребенок отказывается первый раз от поддержки родителя, чтобы идти? Это колоссальное событие в человеческой жизни, которое почти никто не помнит. А, казалось бы, это колоссальное положительное эмоциональное переживание – первые самостоятельные шаги. Родители радуются сначала, а потом начинают беспокоиться: не слишком ли независим стал от них ребенок? Со временем такой вопрос задают себе не только родители: «А не слишком ли независим этот подросток?»; «А не слишком ли независим этот юноша или девушка?»; «А не слишком ли независимо ведет себя этот сорокалетний мужчина?»

До сих пор все хотели, чтобы вы стали независимыми, чтобы вы наконец сами пошли! И вот этот момент, один из решающих в вашей биографии, свершился – вы отодвинули родительские руки и сказали впервые в жизни: «Я сам!» – и не просто сказали, но и действительно прошли эти несколько шагов. Больше вам безнаказанно самостоятельных шагов сделать не удастся никогда. Если вы специально этим не займетесь. С этого момента родители и все окружение до конца ваших дней будут делать все, чтобы доказать вам, что вы сами ничего не можете.

Итак, мы все пережили когда-то чувство подлинной самости. И на этой основе, на реально пережитом чувстве подлинной самости, вырастает огромное здание псевдосамости. Глубоко в подсознании мы мечтаем отвести все руки, которые нас поддерживают, направляют, указывают и т. д., и еще раз пережить это громадное наслаждение «Я сам!». Это наше желание дает нам шанс. Но жизнь идет, и возникают желания, исполнение которых лежит вне сферы наших возможностей, наших личных достижений, и все мы зависимы.

Следующий момент подобного взрыва приходится на так называемый подростковый возраст, когда снова в человеке по неизвестным ему причинам (но субъективно-то ему кажется, что он понимает почему) возникает бурное желание «быть самому». Он еще раз делает попытку отвести от себя эти руки.

И тут же натывается на то, что его самостоятельность определяется его возможностью самому зарабатывать деньги. Возникают проблемы уже собственнические, которые преследуют человека, во всяком случае нашего, иногда до конца его дней. А поскольку материальную самостоятельность в подростковом возрасте не получает почти никто, то шансов отвести руки и сказать: «Я сам!» – у человека нет. На этом кончается детство с его стихийными всплесками самости. Дальше начинается совместная жизнь якобы взрослеющего человека с вечным ребенком, которому все время от кого-то что-то надо.

Постоянное раздражение от нежелания признаться самому себе, что никакой он не самостоятельный и даже не самолежат ел ьный, порождает в человеке вечное желание обвинить кого-нибудь в том, что это так. И чем дальше, тем труднее сделать те шаги, которые ведут к самостоятельности, потому что нужно сделать то, о чем я говорил в начале: признаться в собственной иллюзии деятельности. Если же не признаваться, то очень удобно – виноваты все: виновато государство, что мало платит, виновата судьба, что не в той семье родился, не в том социальном слое общества, виноваты те, кому повезло и они живут хорошо, виноваты родители, что не так воспитали, виноваты школа и институт, что не так образовали...

Так начинается доминирование нарочитого внешнего обусловливания над внутренним. И появляется знаменитая проблема взрослых детей.

Что же можно сделать, чтобы избавиться от постоянного раздражения, постоянного подспудного недовольства, возникающего от подсознательного ощущения, что ты не сам, что тобой руководят? Только одно: довериться своему разуму, понять и согласиться наконец. И не нужно бояться, что будет «облом», депрессия, пессимизм, цинизм. Если в вас есть любовь, устремленность, смысл, то вы сумеете сделать и первый, и второй самостоятельные шаги, разведя все руки, которые вас поддерживают и направляют, отбросив костыли. Вы узнаете, что такое самостоятельность. Узнаете, чего же вы все время хотели. Что такое «Я сам!»

Тогда вы узнаете, как это трудно – оторваться от большой мамочки под названием социум. Вот тут-то и решается, будете вы когда-нибудь взрослым человеком или нет. Захотите вы быть той рыбой, которая сама себе делает озеро и воду в нем, или все-таки лучше прыгнуть в готовое и плавать там, резвиться и время от времени говорить: «Ну, если б дали мне возможность пожить самостоятельно, эх!»

Человек очень балованный. Человеческая жизнь при всех ее неприятностях – очень уютная оранжерея по выращиванию человеков. И если бы время от времени эта оранжерея не разрушалась с помощью глобальных катаклизмов, мы бы так и жили, разделенные на две очень неравные части. Приблизительно сто самостоятельных, взрослых людей, «жрецов», на сто миллионов детей. Так ведь и было, с этого ведь все и началось, как нам ни печально в этом сознаваться. Подумайте: а хотите ли вы на самом деле этой самости, этой самостоятельности? Пожаловаться ведь не на кого будет.

Второй момент – это то, что называется гордыней. Попробуем заглянуть в свое детство и выяснить, откуда же она берется.

Гордыня – это обратная сторона той же медали: с одной стороны самость, а с другой – гордыня. И когда я, обладая сложным аппаратом психической защиты, защищающей, в том числе, мое право быть в этом мире, должен сказать: «Помогите!» – хотя давно уже отверг всякие подпорки, – то есть когда я должен признаться, что не самостоятелен: «Научи меня», «Помоги мне», «Спаси меня», «Я здесь, потому что я ничего не знаю», – вот тут-то и поднимает голову гордыня: как это просить? Как это быть благодарным? Надорвусь, но не буду зависеть. Когда человек хотел быть учеником и приходил к шейху в некоторых суфийских традициях, он произносил такую фразу: «Прими меня как труп в руки омывателя трупов». И во всех серьезных традициях на этапе послушничества есть проверка, действительно ли человек хочет быть учеником. Прежде всего выясняется, сможет ли этот человек перешагнуть через свою гордыню, действительно ли он осознал свою неспособность самостоятельно добиться той цели, ради которой обращается.

Ученик – это такое же колоссальное испытание для учителя, как и учитель для ученика. Только обращение ученика может точно определить, каков учитель. Это – как истинная вера и любовь к Богу и псевдолюбовь. Это мы или просто хотим смыться от всех к папе, только самому-самому папе, идеальному папе, или действительно хотим стать «само».

Когда вы упираетесь в стенку гордыни внутренним буфером, не позволяющим человеку попасть в такую ситуацию, в которой обнаруживается, что его взрослого – нет, тогда необходимо прилагать усилия, опираясь на устремленность, тогда пора понять, что вся наша жизнь до момента вот этого «само» – сознания – это огромная соска, что все наши ужасные беды, страдания – соска. Как говорил тот же Гурджиев: «Ничто так человек не любит и ни с чем так тяжело не расстается, как со своими страданиями!» А они такие типичные, как выясняется, у всех одинаковые. Наши страдания – это страдания человека, который должен погибнуть под машиной, а его вытолкнули, он ударил коленку, ему больно.

Это и есть жизнь в утробе, в утробе социума. Изнутри этой утробы никакой патологии не видно. Все, что я вам рассказывал, – это никакая не патология, это жизнь! Она такая! И прекрасна этим. И благодаря тому, что она такая, мы все живы. Мы живем, растем, развиваемся, накапливаем знания благодаря тому, что защищены ее утробой.

Я благодарен судьбе за то, что смог родиться. Я благодарен своей матери. Я благодарен своему отцу.

Но ведь социум – это мать, и благодаря этому мы живы. И имеем шанс. А вы говорите – гордыня, самость... Давно говорят мудрые люди: «Когда идешь к вратам, от всего отталкиваешься. И только пройдя врата, начинаешь ко всему притягиваться». Велика мать наша, велика, терпелива и всех детей любит. Всех тех, кто там, в утробе. Равно. И отец есть у нас. Но это попозже. Когда выйдем. И зачаты мы непорочно. Но не в том биологическом смысле слова. Ну, пожалуй, все, я на этом закончу.

О двух правдах (Отцу Павлу Флоренскому посвящается)

Говоря о психопатологии обыденной жизни, мы, безусловно, не можем миновать такую проблему, как ложь. Как проявление патологии обыденной жизни, ее правильнее начинать изучать с такого глубинного подхода, который предлагает П. Флоренский («О культуре»): человеческое существо соединяет в себе две правды.

Проблема взаимодействия, реализации в человеке этих двух правд решается только бесконечным развитием каждой из них, вплоть до абсолютной реализации. И только при абсолютной реализации этих двух правд происходит духовный синтез и преображение.

С этой позиции можно рассмотреть человеческую жизнь как взаимодействие этих двух правд: какая из них усекается больше, какая меньше, какие компромиссы между ними строятся. Каковы же эти две правды? Флоренский формулирует их так: правда бытия и правда смысла. Бытие – абсолютная мощь жизни, без энергии которой невозможно никакое свершение. А смысл – лик, как мера, как дух. Недостаток правды бытия приводит к страху совершения реальных поступков (экзистенциальная трусость), недостаток правды смысла приводит к полной зависимости от целей и задач, навязываемых внешним давлением.

Мы говорили о трагедии гибели мира переживания в европейской цивилизации начиная с XVII века, с эпохи Просвещения, когда был выдвинут замечательный лозунг: «Cogito ergo sum». Теперь мы можем взглянуть на эту ситуацию, опираясь на подход Флоренского как на ситуацию возвышения смысла над бытием.

Независимо от того, философствовали мы когда-либо в своей жизни или нет, это история нашего с вами сознания. Она пронизывает всю повседневную жизнь человека, живущего в этой цивилизации, до мельчайших подробностей. Нам предстоит увидеть, что абстрактно-философская проблематика на самом деле является непосредственной, живой тканью нашего сознания и определяет очень многое в повседневной жизни.

Самое главное – это причинный источник лжи, лжи как заблуждения, лжи как самообмана, лжи как идеологии, выдвигаемой обществом, лжи неустойчивой морали, которая сама же не выдерживает критики разума, хотя разумом порождена, лжи псевдорелигиозности и псевдомистицизма.

В чем тут дело? Давайте от абстрактного перейдем к конкретному. Бытие – природа, плоть – это источник энергии, энергии жить, энергии созидать, разрушать, энергии, которая не знает границ, не знает самоограничения, энергии стихии, страсти. Это, в образных системах, энергия Земли.

Когда мы с вами рассуждаем о витале, о тантре, – мы очень смешны. Потому что если бы мы внезапно прикоснулись к этому источнику, если бы позволили себе быть этой энергией, этой страстью, этой жизнью, то, наверное, сгорели бы, как мотылек сгорает в пламени свечи. Мы все с удовольствием читаем, смотрим, когда что-то такое показывают, на что-то такое намекают, что якобы в нас с вами есть. Действительно, в нас это есть, пока мы живы. Но, будучи продуктом западноевропейской цивилизации, мы смертельно боимся этого, нас пугают десять или одиннадцать веков назиданий о том, что это страшно, что это грех, что это разрушительная сила, зверь, которого необходимо обуздать. Есть замечательная картина «Мадонна с тигренком»: вместо дитяти – тигренок. Этот тигр – как воспоминание о бытии, воспоминание о страсти, воспоминание о мощной энергии жизни.

Когда мы в жизни сталкиваемся с человеком, который волею случая содержит в себе некоторое количество энергии, превышающее средний уровень, статистическую норму общенности к энергии бытия, – мы пугаемся. Хотя уже давно пугаться нечего.

Это насилие над природой, проявившееся и в человеческой психологии, и в устройстве социальных конвенций. Проявилось оно и в прямом насилии над природой, то есть это и экологическое насилие, пренебрежение к природе, которое пронизывает все наше существо. Мы совершили насилие над миром и над собой, дурно поняв взаимоотношение духа и плоти. И большая часть нашей лжи, принимаемая нами как эстафета от наших родителей и родителей наших родителей и передаваемая нами своим детям, происходит отсюда. Ибо это и есть ложь, изначальная.

И великий подвиг в мыслях, в чувствах Флоренского состоит в том, что он одним из первых сказал: бытие – правда, и смысл – правда. Человек велик именно тем, что в нем соединились и движутся две великие правды. Но, лишившись своего «противника» – правды бытия, – вторая правда, правда смысла, стала мельчать, укорачиваться, обрезаться, приспособливаться к дохлomu своему партнеру и выродилась в прагматическое, мелкое умозрение.

Так тигр превращался в мышку, так лик, как воплощение правды смысла, превращался в лицо, в личину, в душонку. В результате получилось существо, в котором нет ни разума, ни духа. И это главный источник духовного кризиса современного западного человечества. Потому что везде, где победно шествует лозунг: «Cogito ergo sum», – везде, где победно шествует догматическое утверждение первенства духа над плотью, неизбежно происходит вырождение человека, умаление его величия и потеря смысла его существования. Ибо ложь, как известно, есть дитя – любимое дитя – смерти.

Кушать надо – жить надо!

Может, это кощунственно для некоторых прозвучит, но я всю сознательную жизнь призываю к тому что кушать надо. Сколько я слышал язвительных реплик по этому поводу: проповедь, так сказать, эпикурейства и прочее...

Наша истинная жизнь прячется за ширмой псевдорелигиозности, в псевдомистицизме. Наше спасение в том, чтобы от того места, где мы находимся, найти пути к бытию, к жизни, к страсти... Без этого мы не спасем своих детей, своих внуков. Без этого мы не спасем, не возродим изнасилованную нами природу, и никакие дачные участки не помогут. Без этого мы не избавимся от фундаментальной основы нашей лжи.

Что такое сегодняшняя диета, как не плохо замаскированная аскеза, умерщвление плоти своей? Что такое сегодняшние болезни? В большей своей части – умерщвление плоти своей. Что такое культ футбола? Все останавливается, все, телевидение транслирует исключительно футбол, по всему миру. Что это? Господа, что за событие – футбольный матч? Что такое спортсмен? Что такое стриптиз? Что такое порнография? Все это плоды хилого сознания, которое никак не может понять, почему оно хилое. Плесень на теле природы. Агрессивная плесень. Превращающая в плесень все живое вокруг себя.

Страсть и умозрение

Разум – это союз духа и плоти, если говорить строго. Это условие для бесконечной реализации каждой правды – правды бытия и правды смысла. А мы все время пытаемся найти лик в пустоте. Мы все время забываем великую восточную мудрость, что родиться в человеческом теле – огромная удача! Ибо благодаря телу дух приобщен к природе, к бытию.

Да, конечно, стихия, страсть может разнести все в щепки. Но и дух бесплотный, превратившийся в умозрение, способен уничтожить все живое, ибо что ему плоть? Противник, и все. И мы не вывернемся, никоим образом, пытаюсь найти одно вместо двух. Пока не услышим таких людей, как Флоренский, пока не переживем необходимость соединения в себе бесконечных этих двух правд, не обретем полноты.

Следуя дальше за Флоренским как за религиозным мыслителем, можно прийти к такому выводу: дойдя до предела бытия, мы поймем, что предел бытия – это истина, и только дойдя до предела истины, мы поймем, что предел истины – это бытие. И тогда нам откроется Бог. И тогда мы поймем, что Микеланджело что-то про это знал. Тогда мы сможем прикоснуться к росписям Сикстинской капеллы. Ибо там бытие и смысл находят свое отражение в единстве.

Мы немножко перепутали еще в XI веке. А уж в XVII совсем запутались. Мы перепутали страх перед невежеством, которое, конечно, ужасно, со страхом перед жизнью. И под видом борьбы с невежеством заодно занялись борьбой с жизнью. А когда мощи нет – остаются мощи в качестве идеала человеческого тела. Но никто не задумывался над тем, что происходит с этим самым «мыслю», когда оно помещено в мощи.

Пытаясь вспомнить наиболее идеальное воплощение святости, кого мы называем? Франциска Ассизского, у которого птицы на плечах сидели, животные к нему приходили.

Серафима Саровского, Сергия Радонежского, которые жили в лесу и не испытывали никаких проблем с якобы враждебным окружением, медведи к ним приходили, лани, и все замечательно получалось. В Киеве сходите в Софию, посмотрите на первоначальные росписи, сравните с тем, что сейчас. Была ведь эта полнота. Было ощущение необходимости одномоментного сосуществования и взаимного бесконечного развития двух начал – бытия и смысла.

Последний всплеск этого единства – эпоха Возрождения, когда идея духа соединилась с античной идеей бытия. Произошла встреча христианства и античности. Получилось Возрождение. А потом опять страшно стало. И я думаю, что сегодня мы как бы в преддверии своего Возрождения, своего возвращения к полноте бытия. Своего понимания единства двух великих правд – бытия и смысла. Потому что если не это, то смерть: Чернобыль, Аральское море...

От действительного духа до того, что мы теперь этим называем, – большая дистанция. Душок такой от нашего духа остался. При этом становится более или менее ясным одно удивительное противоречие: казалось бы, человек, человечество становится все более сильным, все более знающим, все более могущим, а в действительности – все более слабым. Страх заменил радость бытия. А страх и ложь – близнецы-братья, кто более матери истории ценен? Мы говорим: «Страх» – тут же возникает ложь. Мы говорим: «Ложь» – тут же возникает страх.

Попытка приблизиться в своей обыденной жизни к равноправному присутствию обеих этих правд, влечет за собой фундаментальное переустройство всей повседневной жизни, пересмотр отношения к жизни и к себе самому. Но беру на себя смелость сказать, что это главный духовный подвиг нашего времени. Мысленно я ставлю рядом Флоренского и своего Мастера. Один – православный священник, мыслитель, ученый, утонченный красавец, «византиец», как его поругивали внутри церкви. Другой – суфийский Мастер, в своих смешных – для европейского человека – формах, со своей игрой в незнание русского языка, со своими акцентами и суфийской традицией использовать снижение до упора. Один на своем утонченном, глубоко философском языке формулирует эту великую правду о человеке, о том, что человек – это две правды: правда бытия и правда смысла. А другой, пустив чашу по кругу, смеясь, говорит, когда его спрашивают: «Что самое главное?» – «Жить надо». И они из одного места и говорят об одном.

Духовное сообщество как факт

Красота духовного сообщества в том, что это социально-психологический мир, в котором встречаются, дружат, и понимают, и любят друг друга представители самых разнообразных социально-психологических миров, народов, эпох, мест. И это лучшее доказательство того, что у человечества есть возможность построить метамир, мир, который без напряжения включает в себя все остальные миры. Во всяком случае, большую часть человеческих миров.

Духовное общество может это сделать – ведь в нем во все времена сохранялось знание о двух правдах человеческого существа. Знание о необходимости предельного развития бытия и предельного развития смысла. Знание о том, что дух и плоть есть неотъемлемые, хоть и противоречивые, сущности человека, человеческой жизни. И потому там или совсем нет, или почти нет лжи. И почти нет – а в высших реализациях совсем нет – страха.

Мы выше говорили о Матери нашей. А теперь так получается, что беседуем об Отце. Как известно, любовь матери безусловна, любовь отца – это завет, это смысл, с которым нам дальше жить. Завет этот таков: бытие и смысл, истина и страсть неразрывны. Это то, что

объединяет образ человека, в котором они соединены, и образ человечества, в котором они соединены. Это и есть лик Отца нашего.

Это суровый лик, суровый с нашей точки зрения. Ибо представьте себе, какой целостностью, тотальностью надо обладать, чтобы дать через себя бесконечно и одновременно реализоваться этим двум великим правдам – правде бытия и правде смысла. Какой мощью и какой мудростью надо исполниться... Чем-то, нам еще не известным, о чем мы с вами пока только начинаем задумываться. Но уже сегодня мы в начале нашего пути, сложного пути к Отцу.

Мы выросли в мире, в котором нет ни веры в ее полноте, ни любви в ее полноте. Но уцелела надежда – правда, еле-еле теплится. И поэтому нам трудно этого – синтеза этих двух составляющих – даже захотеть по-настоящему, а достичь – тем более. Но все равно это есть у нас как потенция, ибо мы – люди. Мы – человеческие существа, мы ведь содержим в себе и смысл, и бытие, и веру, и любовь. Они есть в нас независимо от чьего-то желания, и уничтожить их можно только вместе с человеком.

Я не думаю, что духовность – это цель. Цель, движение к цели, любой принцип движения к цели подразумевает волевое усилие, подразумевает целевое бытие, то есть подчинение всех обстоятельств в жизни достижению цели. Я не думаю, что духовность есть в этом смысле цель, которую можно достичь путем волевых усилий. Я думаю, что духовность – это прежде всего переживание, порождающее поиск, устремленность к такому смыслу жизни, который позволил бы мне обнаружить непреходящий смысл в моей личной, персональной, единственной, уникальной жизни.

Духовность – это пробуждение души для встречи с духом, то есть любовь, это происшествие, а не цель. Другой вопрос: можно пытаться создать условия, повышающие вероятность такого происшествия, вот это может быть целью.

Существует масса всевозможных традиций, которые создают внешний круг обучения, то, что мы называем убежищем. Туда человек может прийти за помощью, за эмоциональной поддержкой. Потом, если в нем устремленность возрастает, он может встать на Путь, может пройти какое-то обучение или посвящение. Но устремленность духовная – это происшествие. И те, кто ставит своей целью стать духовными, вряд ли станут духовными. Это все равно, что поставить своей целью полюбить.

В том, чтобы взрастить в себе хотя бы отражение этих двух великих правд – устремленность и веру, – наш шанс на будущее. Беспощадный реализм (видеть все так, как оно есть, не зажмуриваясь) плюс беспощадный романтизм (реализовывать свой смысл жизни, несмотря ни на какие препятствия). Эта пара может нас привести к воплощению бытия и реализации смысла.

Но только беспощадный по отношению к себе реализм и беспощадная устремленность вместе. Беспощадная устремленность без беспощадного реализма – это будет сю-сю-реализм, то есть всевозможные убежища, психологические теплицы и т. д. и т. п. Беспощадный реализм без беспощадной устремленности – это цинизм. Знание ради знания, полная потеря остатков любви, убийство себя.

Социально-психологические миры (продолжение)

Вернемся к теме социально-психологического мира, к этому ключевому понятию.

Снова повторю, что социально-психологические миры необходимо в первую очередь четко отделять от вертикальной структуры общества, от социальных пластов. Кстати, как показывают наблюдения, человек, сделавший карьеру, начинает тянуть к себе наверх людей прежде всего из своего социально-психологического мира.

Принцип объединения в социально-психологический мир

Социально-психологические миры нельзя делить по принципу «выше – ниже». «Выше – ниже» – это иерархическая структура самого общества, социальная структура.

Социально-психологические миры можно оценивать с позиции «выше – ниже», если вы используете какой-то критерий принципа самореализации или какие-то этические конструкции с точки зрения своих идеалов. Но сами по себе они не выше и не ниже, это горизонтальный срез, они все в одной, собственно говоря, плоскости. Членами одного и того же социально-психологического мира могут быть люди совершенно разных социальных уровней. Особенно это хорошо видно, когда едешь на зимнюю рыбалку. Там же никто не знает, кто генерал, а кто дворник. А вот жаргон, словечки, оценки, стиль поведения – они объединяют людей.

Но здесь есть свои ловушки. Например, вы можете видеть, что у человека формы поведения совпадают с вашими. И на основании этого прийти к заключению, что этот человек вам близок по миру. И только соприкоснувшись с ним вплотную, вдруг с сожалением обнаружите, что, оказывается, содержание этой формы совсем другое...

Лучше всего, на мой взгляд, ориентироваться в новом для вас социально-психологическом мире прежде всего по степени свободы. Что разрешено? И на каких условиях разрешено? От чего, по отношению к Великому Среднему (это большинство человечества), человек в данном мире свободен или, наоборот, не свободен? Этот момент для анализа другого социально-психологического мира, для практического понимания реакций и поведения его представителя – самый важный.

И внутри этого мира нужно постараться отличить «свободу от» и «свободу для». Хотя человек, когда ему удастся обнаружить какую-то степень свободы, редко начинает думать, что тут «для», а что – «от». Всем сразу хочется быть «свободными от». Когда человек хочет покинуть свой социально-психологический мир в силу тех или иных причин: профессиональной ориентации, отсутствия плюс-подкреплений в своем мире тому (одобрение, поддержка, признание), – очень важно понять, что позволено в другом мире, в который он стремится попасть.

Есть люди, которые в силу разных обстоятельств всю жизнь движутся из мира в мир, они внутренне противоречивы, потому что пропускают через себя различные, иногда слабо стыкующиеся, социально-психологические миры. Они потенциально могут построить какой-то новый мир, но по сути они везде чужие.

Очень трудно проконтролировать в себе самом все проявления того мира, к которому ты принадлежишь и который трудно осознать. И еще труднее проконтролировать, попытаться сыграть что-то не из своего, а из другого мира.

Этот момент сложен, ведь для того чтобы хорошо разбираться в других мирах, вы должны познакомиться со своим – познакомиться в смысле «осознать».

Это очень трудно, но очень продуктивно, потому что в этом случае вы многое сможете понять в своей жизни. Многие истории, случившиеся с вами, откроются вам совершенно в другом свете. Вы читать книжки станете иначе, с людьми разговаривать станете иначе, потому что будете понимать, что нужно... Это важно: понимать, что в каждом моменте есть еще одна неперемнная информация – информация о социально-психологическом мире.

Я думаю, ближе всего к этому подходит профессия режиссера, потому что режиссура – это и есть создание мира: один пытается угадать мир, созданный автором, а другой с помощью пьесы выражает свой. Но суть одна – за несколько часов нужно создать убедительный социально-психологический мир.

Разное пространство и время – еще один признак социально-психологического мира – хронотоп, специфический для каждого. Есть социально-психологические миры, где к пенсии начинают готовиться лет с двадцати пяти. Понимаете, у них все серьезно: чтобы была хорошая пенсия, надо то-то, то-то, то-то. А до пенсии еще тридцать лет, но человек уже готов. Так принято. Такое время в этом мире. Есть социально-психологические миры, где любой человек, который вообще позволяет себе больше, чем поездку в отпуск, – это просто несерьезный тип, без корней. А есть социально-психологические миры, в которых, наоборот, если человек не поменял двадцать-тридцать мест работы, то это не человек вообще. Вот об этом обязательно надо помнить, размышляя о том, что есть норма, а что – отклонение.

Мы с вами думаем, что наша жизнь полностью определяется внешними обстоятельствами. Мы не в той стране, не в то время, а вон там... а вот у них... Да там все точно так же, только богаче, больше там политических, экономических свобод. Но социально-психологические миры гораздо больше похожи, чем мы можем предположить. И, приехав куда-нибудь «туда», вы будете чувствовать себя плохо до тех пор, пока не встретите своего, из другой страны, но своего. Из того же мира. С удивлением выясните, что вы «родственники».

Границы миров

Есть миры, выходящие за пределы национальных границ, а есть миры, замкнутые еще и национально.

Где свои, где чужие? Только инстинкт выводит к своим абсолютно точно. Где вам легче всего? Среди каких людей? Это ваши люди, это ваш мир. Если вам здесь хорошо – этот мир ваш.

Каждый из нас прекрасно знает, где ему на самом деле хорошо, свободно, легко и, главное, бесконтрольно: что ни сделаешь – точно попадешь! И что поругаешь – все ругают, и что похвалишь – все похвалят! Поэтому когда кто-нибудь из наших куда-то туда забрался, а потом в родную деревню приехал своих навестить, так это ж святое дело. И ему хорошо. Он же там остается нашим посланником. Он же там не прижился... А вот если прижился, то он уже не наш и не наша гордость. Он уже – изменщик.

Человек не виновен, что он родился не в том мире, где родились вы. Понять чужой социально-психологический мир – очень тонкое дело. Мы часто этого не понимаем и поэтому пытаемся действовать грубыми орудиями: обижаем, оскорбляем, пытаемся переделывать друг друга.

Входная дверь в новый для вас социально-психологический мир открывается, только когда есть пропуск. Чаще всего он довольно простой, но только вам это в голову не приходит. А там всем приходит! А еще есть то, что никакому контролю не подлежит. С нашей стороны – это определение своих, представителей своего социально-психологического мира. Кинь вас в толпу на вокзале, смею вас уверить, вы быстро найдете своих, может, удивитесь, правда, что это они, но найдете. И в вагоне в долгой дороге найдете, и в новом чужом городе незнакомом.

История каждого человека персонально и человечества в целом – в каждом из нас, мы – образ человечества. И решая в силу каких-то причин покинуть свой мир, вы должны свято помнить формулу, свойственную этой ситуации: «И сжег он то, чему поклонялся, и поклонился тому, что сжигал». Так поступить, так сделать, так думать – значит искренне пережить благодарность всем людям, из которых вы сделаны. Покидая их, уходя в другой мир, нужно сказать этим людям большое спасибо. Потому что где-то там, среди них, или где-то там, в структуре их взаимодействия, и родился этот ваш импульс – перейти в другой мир. Он не с неба упал, не надо придумывать, что «космос позвал». Он там родился.

Жизнь не может быть усовершенствована, потому что она совершенна. Если она не совершенна, тогда совершенно совершенна. И проблема в нас: насколько мы постигаем полноту этого совершенства, насколько видим возможность движения внутри живой ткани жизни к тому, что, на наш взгляд, более соответствует понятиям человек и человеческая жизнь. Имеем ли мы при этом мужество уважать то, что покидаем. Не уважать то, что покидаешь, – это все равно что не уважать лоно своей матери, которое мы тоже покинули.

Тут такая тонкая ситуация, требующая предельного внимания, предельной памяти, предельной четкости действий и осознания. Дело не в том, что плохо или хорошо, надо отказаться от этого критерия: «плохо – хорошо», «выше – ниже», а подойти по-другому. Это все жизнь, это ее кипящий котел, и у меня есть замысел. Если у меня есть замысел по поводу своей жизни, то я могу кристаллизироваться в этом процессе и с этой точки, с позиций своего замысла, посмотреть на новую жизнь.

Тогда проявится то, что движет меня к замыслу, тогда в этом хаосе первозданном, живом хаосе жизни, я сделаю рывок к бытию, то есть к созданию нового мира. Каждое сообщество, сообщество социально-психологического мира, всегда желает, чтобы его представители куда-то прорвались. Куда-то выше. Всякий социально-психологический мир стремится расширяться вплоть до всего человечества.

Мир – это больше, чем люди, его составляющие, мир – это традиции, социальное наследование, психологические ритуалы, иерархия ценностей и т. д. Современный мир перемешивает людей все активнее, и все чаще и чаще мы оказываемся в ситуациях, где действуют люди различных социально-психологических миров. И надо искать способы нормального решения проблемы, с нормальной состыковкой...

Строительство нового мира

Очень часто люди пытаются построить новый мир, особенно когда любят друг друга, или найти выход из противоречия между двумя мирами, найти свой новый мир. Известно, что всякая попытка построить мир на двоих обречена изначально, потому что получается не мир, а бегство из мира. Но убежать из своего социально-психологического мира – значит убежать из самого себя, а это невозможно.

Построить новый мир на самом деле означает найти новый мир. Найти мир, который потенциально может стать общим домом для этих двоих, или троих, или десятых. Это творческая, а значит, нестандартная работа. Создать мир – не значит контролировать все в нем. Мир – существо органическое.

Без своего мира человек – потерянный, бездомный. Надо найти тот мир, который отзовется. Найти мир, который существовал когда-либо где-либо, или сейчас даже где-то существует, а вот рядом – нет. А дальше начинать действовать. Действовать можно только двумя способами: переместиться, если эта проблема сводится к перемещению в пространстве, либо начинать создавать, то есть искать таких же бездомных, как и вы, и заключать какие-то союзы: дружеские, идейные, деловые – какие угодно. Принять какую-то форму деятельности, какие-то общества, кружки, театры. Дать этой форме возможность роста, воплощения. Новый мир будет удивлять вас, как постоянно удивляет все живое.

Двадцать лет создавался этот мир – мир традиции, а потом мне понадобилось еще три года, чтобы разобраться, что же это такое, и еще три года, чтобы понять, что это хорошо, потому что это живое, и если мне в нем что-то не нравится, то это никакой роли не играет. Если бы в нем было только то, что мне нравится, мир был бы не мир, а конструкция, произведение искусства, вычищенный мир.

Брать и давать

Есть еще одна в определенном смысле жестокая правда о том, что есть два совершенно разных принципа жизни – принцип производительный и принцип потребительский. В человеческих отношениях эти принципы тоже действуют. И можно сказать, что принцип потребительский – это принцип в каком-то смысле инфантильный, потому что он идет от отношений с матерью, тех первичных отношений: «Мамка теплая, молоко сладкое, сосу, сосу – и рай». Принцип же производительный – он, скорее, отцовский принцип, когда для того, чтобы заслужить похвалу отца, поощрение с его стороны, любовь с его стороны, необходимо что-то делать.

И в этом плане можно говорить, что по способу строить отношения люди как бы делятся на две группы. Первая группа – это дети, которые ищут мать в отношениях, ищут первичный способ взаимодействия, способ потребления, и они беззаботно, искренне, совсем не по-злодейски себя ощущают в этом, они просто естественно и органично потребляют и не знают, что такое благодарность в полном смысле этого слова – ну кто говорит матери спасибо за материнское молоко? Сталкиваясь с ситуацией, которая как бы предопределяет благодарность, эти люди испытывают колоссальное напряжение, вплоть до истерики, до сильнейшего желания избежать такой ситуации. Как сказано у Соломона: «Слушай... наставление отца твоего, и не отвергай завета матери твоей».

Вторая группа – это люди, которые в сфере эмоциональной жизни, в сфере человеческих отношений не в состоянии брать. Они как бы безматеринские – не знают материнской любви. Они не могут взять то, что им предлагается, потому что не знают, что с этим делать. Хотя это совершенно бескорыстный материнский дар. Это один из серьезнейших источников психопатологии обыденной жизни.

Мне кажется, что именно в сфере неформальных человеческих отношений, в сфере отношений близких людей, детей и родителей, влюбленных, мужей и жен, друзей это очень острая проблема. Ибо это такой существенный дефект эмоционального мира, который исправить, компенсировать, говоря научным языком, очень трудно.

Большие дети

Мы – большие дети, и мы сами, и человечество в целом. Мы относимся к природе только как к матери: берем, берем, берем... И она, конечно, дает, истощаясь все больше и больше. Потому нам так и не хочется родиться в третий раз (первое рождение – биологическое, второе – социальное, третье – духовное), что нас там ждет отец, то есть мир, который сразу предъявит к нам колоссальные требования. Ибо требования – это и есть отцовская любовь. Ибо отец задает границы, показывает границы и учит делать, действовать, творить. Родиться в третий раз – это и значит оказаться наедине с миром.

Мать тут, рядом, но уже есть и отец. Помню, когда-то у меня был любимый вопрос. Куда уходят духовные искатели после тридцати – тридцати пяти лет? До тридцати лет их полно, а потом, старше – уже единицы. Куда они исчезают вдруг? В матку они исчезают, в утробу социальную, потому что пора что-то делать, ответ перед отцом держать, перед миром, ответственность на себя брать, а не хочется. Пора уже что-то отдавать, производить.

Отцовской любви надо добиться, отец не может любить так, как мать, и не должен. Его любовь проявляется сурово и требовательно, ее надо добиться. Я не говорю о тех случаях – семей таких много, знаю, – когда отец сам как ребенок, вроде отец, а вроде нет, но все равно кто-то будет вместо отца когда-нибудь.

А вот здесь, при третьем рождении, от отца никуда не спрячешься. Вот он – мир. Во всей его красоте и непреложности, во всей его любви и справедливости.

И в определенном смысле мы можем сказать, что вот тогда, когда есть мать и есть отец, возможно единство, полнота этих двух планов бытия и смысла, ибо бытие – это все-таки материнская власть, а смысл – это отцовская мера. И тот, в ком нет отцовского начала, не умеет ни остановить себя сам, ни организовать себя сам, ни действовать из самопобуждения, то есть у него никакого «сам» и быть не может. Ни в первом рождении, ни во втором, ни в третьем. Ибо «сам» всегда имеет границы себя, «сам» – это значит «отграниченный». И отграниченный, как мы говорили, изнутри.

Мир отца спросит с каждого: что ты сделал с матерью своей, с природой, какой ценой бытию ты достался? И чего-то ты так долго не рождался, а сидел в утробе? И почему ты обидел любимую мою? И надо будет отвечать, и объяснять, и понимать, и выслушивать наставления отцовские, и учиться уму-разуму, и становиться самим собой, и ставить свою подпись под деяниями своими.

Любовь матери и отца

Знать, копить знания приятно, увлекательно для многих, престижно, а вот становиться мудрым не хочется. В определенном смысле можно сказать, что человек, не родившийся из социальной утробы, – безотцовщина, ибо не знает он отца своего. И когда слышит в утробе о нем, ощущает через мать, то ничего, кроме страха, не испытывает. И вместо того чтобы через любовь матери к отцу начать учиться любить отца так, как она его любит, начинает ревновать его к матери и пытается отбить мать у отца.

Но разве то, что мы делаем с природой, разве то, что мы пытаемся доказать как неизбежность во взаимоотношениях с природой, это не есть попытка отбить мать у отца, отнять природу у мира, лишить ее этой любви? Да, каждый человек потенциально от Бога, но не для утешения это сказано, а для ответственности каждого за свою потенциальность, личной ответственности, ибо это отцовский наказ, а не материнский завет.

И тот, кто ничего не делает, никаких личных усилий для реализации этой потенциальности не прилагает, – как может рассчитывать на отцовскую любовь, как может рассчитывать на то, что ничем не повредит матери? Как он может рассчитывать на любовь, если ни через материнскую любовь к отцу, ни через любовь отца к матери он не проходит, не прикасается, он только слепо, неистово и агрессивно пытается все это разрушить, ибо эта любовь – упрек ему, а не радость?

Но «впрочем не Моя воля, но Твоя да будет», – сказал Иисус Отцу своему. И когда мы говорим: поставить Закон над собой, Закон, избранный тобой по любви, – это ведь тоже шаг к Отцу. И когда мы говорим, что граница всякой технологии, всякого знания, всякой методики – любовь, это ведь тоже шаг к Отцу, ибо Отец полагает границы. Материнская любовь, как известно, границ не имеет и не должна их иметь, если она материнская.

Когда мы говорим о смерти Духа, о разрушении духовности, не о том ли мы говорим, что забыты завет матери своей и наказ отца своего? И в этом тоже источник патологий обыденной жизни. В потере отцовского и материнского начала, в потере соотношения потребления и производства. Это – великая мысль Флоренского о двух правдах: правде бытия и правде смысла.

Конечно, это очень трудно и непривычно – находиться в постоянном душевном напряжении, в постоянной душевной работе. Это стихи хорошо читать: «Душа обязана трудиться и день и ночь, и день и ночь!» Тут три-четыре дня, и то уже, знаете, хочется уколоться и забыться, музыку погромче включить, выпить чего-нибудь покрепче, уехать куда-нибудь подальше.

Труд души мучителен до тех пор, пока душа не знает любви. Труд души мучителен, мучительно осознание, ибо осознание, точнее говоря, одушевление мыслей, смысла, порождение смысла – это есть труд души, душевный труд, а не интеллектуальный. И он мучителен, но без него душа не узнает любви. Без него, кроме волнений тела и некоторого возбуждения мысли под общим названием «влюбленность», ничего другого не откроется перед вами.

Трудится во имя «хочу»

Чем работа в обыденном смысле этого слова отличается от слова «работа» для меня? Когда я хочу так, что во имя этого готов трудиться, тогда получается творческая работа. Трудиться во имя «хочу»... Но трудиться без «хочу» – это то же самое, что любить без «люблю». И поэтому в этой, казалось бы, простой фразе: делай только то, что тебе хочется делать, – заповедь великого подвига. Ибо, пожалуй, нет труднее на Земле задачи, чем эта.

Все твои «хочется», во имя которых ты готов делать, – они вряд ли повредят людям, а вот те твои «хочется», во имя которых ты ничего не делаешь, – они будут жить в тебе, как нерожденные, невоплотившиеся желания.

Это и есть творчество – расстояние от замысла до его воплощения, а акт творчества – это и есть соединение отцовского и материнского, мира и природы, смысла и бытия, духа и плоти. «Ищите, и обрящете» – что тут можно сказать. Это радостный труд, потому что это творчество, это труд по заветам, ибо каждый человек от Бога, и в первую очередь об этом должен помнить он сам. С себя начать надо, в себе самом надо обнаружить и реализовать что-то там от Бога, от Отца то бишь, ибо от Матери-то ясно, это все описано в технологиях, социониках, гороскопах, это все от матери, от природы, адом-то самому соорудить надо. Отец – он такой, он говорит: давай делай, давай будем вместе делать. Но делать! Все от Бога, но не все к Богу.

Мир в наследство

Мы получаем социально-психологические миры, как правило, в процессе социального наследования. Конечно, это в первую очередь семья, потом круг семьи. Это самое главное – семья и круг семьи, родственники, друзья, те, с которыми мы соприкасаемся через их стиль, способ думания, систему ценностей, систему взаимоотношений. Мы усваиваем это в возрасте до пяти лет.

Ведь известно, что человек к семи годам практически готов как характер, как природа, как бытие чистое. Он даже успевает проиграть все будущие сценарии своей жизни в играх. Они проиграли уже всю свою жизнь наперед, и весь вопрос в том, какие сценарии им пришли в голову, как они окрашены, эти сценарии, и насколько жизнь будет подкреплять это или как-то все-таки давать возможность измениться.

Сразу видно, была ли мать матерью, была ли материнская любовь, это не важно, шла она от матери или от отца, была ли она, та материнская без размеров, без ограничений, без условий... Была ли отцовская любовь – не важно, от кого она шла – от отца, от матери, от бабушки, от дедушки, но отцовская, которая дает миру границы, которая учит делать во имя своих «хочу». От этого очень многое зависит. От структуры этой – да, конечно, но эта структура больше закладывает не столько основы социально-психологического мира, сколько эмоциональную структуру, то есть структуру души человека.

Спонтанность без любви – это дурь, расхлябанность. Так же как знание без любви – это просто смерть. Никаких границ.

Пока человек находится в большой утробе, как он может встретиться с Отцом, если он находится в утробе и все воспринимает через Мать? Он воспринимает любовь Матери к Отцу. И ее счастье от того, что Отец ее любит. Отсюда и возникает желание встретиться с Отцом. Может быть, это желание встретиться с Отцом и есть желание родиться, вот это, может, и есть духовный зов к рождению, к встрече с Отцом.

Отец нужен, это тот, у кого ты будешь спрашивать, что делать. И выполнять то, что он скажет. Нужна воля. Когда мы обращаемся к Богу – да будет воля Твоя! – мы обращаемся к Отцу. Нужна воля, нужен наказ, чтобы развить в себе это качество. Поэтому без Отца нет самоограничения, самодисциплины, самодеятельности.

Что такое каприз? Это реакция на нарушение первоначального блаженства, это раздражение по поводу задержки удовлетворения желания. И это очень тяжело. И для женщин это тяжело. Но особенно когда мужчина вырастает без отца, когда мать блокирует его так, когда он даже не встречает отца, не, как говорится, родного, а просто мужчину, который становится ему отцом, который ему отцовское-то начало закладывает. Он так и остается ребенком: «Дай, дай, дай, дай...» И в других женщинах ищет только мать, ничего не может дать, зато хорошо умеет взять. А есть и такие, которые могут только отдавать, а взять не могут – это ни плохо, ни хорошо, это разнообразно.

Кредо

Попробуем еще раз, более обобщенно, взглянуть на эту самую обыденную жизнь.

Есть знаменитая «Изумрудная скрижаль» Гермеса Трижды рожденного, великая заповедь: «Как внизу, так и вверху, как вверху, так и внизу». И есть высказывание Шанкары (индийского религиозного философа, реформатора индуизма) о том, что «нирвана – та же сансара, а сансара – та же nirvana». «Великий квадрат, – говорил Лао-Цзы (китайский философ, живший в IV–III в. до н. э. и считающийся основателем даосизма), – не имеет углов».

Эти три высказывания, на мой взгляд, об одном и том же. Мы привыкли располагать события, ценности, переживания, даже время своей жизни по вертикали. Мы легко, не задумываясь, говорим: «Это выше, это ниже, это более низко, это менее низко». Мы никогда не задумываемся над тем, что такой способ взаимоотношения со своей жизнью лишает нас всяких шансов на то, чтобы обнаружить единство жизни и бытия.

И даже сами эти выражения: «обыденная жизнь», «быт», «повседневность» – внутри себя содержат такой оттенок, как «печальная такая необходимость». Нечто вообще-то лишнее, не очень обязательное, «ну что подделаешь», как бы плата за мгновения взлетов, за те высокие откровения, за те прекрасные переживания, которые случаются иногда.

Когда начинаем вспоминать свою жизнь, максимум три месяца наберется не обычных. Всякий «энтузиазм» чаще всего длится не больше трех месяцев. Всякий, в том числе влюбленность. Три дня, три недели, три месяца максимум. Три – это ритм нашего сознания.

Это такое свойство нашей психики – в ритме вальса. А остальное – дырки, дырки, дырки, не заполненные ничем, кроме этой самой повседневности, быта, обыденности, воистину без всякой экзотики. Если из десяти лет прожитой жизни я вспоминаю как нечто значимое три месяца, то что я делал остальные девять лет и девять месяцев? Спал?

Жизнь: и смысл, и бытие

Нет никакой обыденной жизни и необыденной тоже. Есть эта жизнь. Ее мы можем проспать, радуясь отдельным дням, часам, минутам. Можем создать целые большие теории, что все остальное – подготовка к вот этому Мгновению. А можно жизнь прожить, это совсем другая история...

Оказывается, самое трудное, и самое интересное, и самое загадочное, и самое таинственное, и самое духовное, и самое мистическое, и самое оккультное – все, что вы хотите, самое-самое-самое, – это жить.

Понятно, что Гермес действительно Трисмегист, трижды рожденный, он додумался, но решил так: «Ну что же, если я скажу просто: жить надо, – все смеяться будут в этом Древнем Египте во главе с фараоном». Думает: «Надо что-то такое задвинуть». Задвинул: «Как вверху, так и внизу, как внизу, так и вверху...» Назвал это «Изумрудная скрижаль» – как хочешь, так и понимай. И Шанкара тоже сидел-сидел, мозговал-мозговал – ну как намекнуть-то? Он говорит: «Нирвана – та же сансара, сансара – та же нирвана». Ну вот, ребята, думайте, догадывайтесь, что я сказал... Лучше всех, конечно, поступил Лао-Цзы, сидя задом наперед на буйволе... Он просто сказал: «Великий квадрат не имеет углов», по-простому, чтоб сразу понятно было.

Вот в чем парадокс. Что мы хотим, чего только мы ни хотим: и того хотим, и того хотим, – а жить-то мы, оказывается, не очень хотим. Вот жить долго – да, некоторые хотят, хотя не знают зачем. Нам так внедрили про эту обыденность и необыденность, про быт и не-быт. Знаете, какие книжки хорошие мы читали? Там вообще никто не пишет, не какает, не спит, не ест, а если ест, то что-то такое, чего не бывает в магазинах. И нам объяснили, что это концентрированная жизнь.

Нам так и хочется что-нибудь концентрированное, разведу водой – будет жизнь. Я думаю, что это и есть самое главное, чему есть смысл научиться, – жить. Чувствовать живую ткань жизни. Она присутствует везде, в любой форме, в любом мгновении.

В религиозных текстах есть вопрос: что есть благодать? Думаю, что вот это и есть – благодать, она здесь, всегда, чем бы ты ни занимался, в какую бы ситуацию ни попал. Я понимаю Шри Ауробиндо и Мать, они вообще бросили спать... Жалко даже на несколько часов перестать ощущать этот контакт с тканью жизни, это высшее наслаждение – сознания, души, тела, духа. Это та самая амброзия, пища богов, и она не где-то там, в другом времени и пространстве, она здесь...

Надо проснуться, проснуться так, как мы просыпаемся в те мгновения нашей жизни, которые никогда не забудем. У каждого есть что-то, что он никогда не забудет. У каждого есть это ощущение – вот я в это время жил! Я был! Я был вот эти полчаса, вот эти три дня, вот эту неделю, вот эту ночь...

Это неправда, что так нужно жить постоянно, это неправда, что только какой-то эмоциональный всплеск, какая-то вибрация в теле, какой-то зуд в голове обязателен, иначе этого ощущения не будет. Тогда йоги все – идиоты, когда говорят: «Гладь озера, зеркало, покой ума». Нет, это нужно для того, чтобы войти, слиться с этой живой тканью, ощутить эту благодать, ощутить вкус... И тогда мы можем поиграть в игру – обыденная жизнь, необыденная жизнь.

Мир совершенен, воистину, и мы совершенны, воистину. Человечество еще молодо. Структура социального наследования, так называемого воспитания, так называемого образования, вот это все несовершенно, еще молодо. Но во все времена, у всех народов по великому закону разброса появлялись свои Лао-Цзы, Гермес, Шанкара. Совсем недавно наш с вами соотечественник Вернадский, болея, во сне вдруг увидел свое предназначение...

Однако есть вещи, где самое аккуратное высказывание кажется очень грубым и ранящим ткань жизни. Душа, по-старинному «чувствилище», – орган subtilный. Ей в этом грубом и во многом примитивном мире – трудно. О сокровенном трудно говорить, и больно, и одиноко, и какая-то странная усталость бывает, к этому надо при выкнуть... Лелеять себя какой-нибудь изысканной мотивацией, не сразу убирать всю вертикаль, а постепенно сближать небо с землей, верх и низ, сане ару и нирвану. Как повезет, как получится, кого или что услышишь.

Но ведь и здорово! Здорово хотя бы потому, что ничего не надо забывать, ни сознательно, ни бессознательно. Здорово, потому что сам живой и вокруг все живое, что смысл открывается буквально во всем. Ну, если на другом языке сказать: «Бог во всем...» – открывается плотный, живой смысл всех этих знаменитых высказываний.

Нам иногда кажется, что то, к чему мы устремляемся, – это безусловно лучшее. Там отсекается все то, что каждый из нас считает неприятным, тяжелым, плохим и т. д., там все хорошее, идеальное, и тогда мы впадаем в заблуждение, за идеалами мы теряем чувство жизни, ее живой ткани, что часто приводит к обесцениванию того, чем живем в настоящем. «А дальше – пустота».

Дело ведь не в том, чтобы от чего-то избавиться, а в том, чтобы найти всему смысл, найти всему живое сопереживание... Избавиться, скажем, от травы или от какой-то одной породы деревьев – это же будет не лес. Как можно избавиться, выкинуть из времен года, скажем, весну или зиму? Как можно из мира что-то изъять? А если это и возможно, то будет ли это лучше, совершеннее? Нет! Как показывает вся практика человечества, попытка изъять – это всегда рана, это всегда кровь, это всегда боль, это всегда поток потерь. Для того чтобы не пытаться что-то изъять, принимать жизнь и мир во всей полноте, и имеет смысл проснуться...

Трудно, когда ничего не забываешь, когда ничего не надо выкидывать и когда ты десять лет вспоминаешь – все десять лет. Это жизнь, трудная или счастливая, удачная или неудачная, – все это жизнь. Тогда вся вертикаль исчезает, остается «как вверху, так и внизу, как внизу, так и вверху», тогда нет ни «вверху», ни «внизу». «И сансара – та же нирвана, и нирвана – та же сансара», ибо нет ни того, ни другого. И «великий квадрат не имеет углов», ну нет у него, нет никаких углов. А есть живая ткань жизни. И если это состоялось, тогда вы будете чувствовать раны на этой живой ткани, наросты, искусственные наложения, все то, о чем мы говорим как о патологии.

Все сводится к главному – к тому, спит человек или живет, хочет он жить или сдался. Если он хочет жить, если он хочет проснуться, – он не сдался, что бы ни случилось. И обратное – если он не хочет жить, не хочет проснуться, – он сдался, ибо тогда он отказывается от дара, от того, что мы называем: «Всякий человек от Бога, всякая душа от Отца...»

Основой психопатологии обыденной жизни является то, что существует понятие обыденной жизни. И пока оно существует, существует патология, ибо это и есть болезнь под названием «Не хочу жить, не хочу быть живым, значит, не хочу быть человеком». А теперь вспомните, с чего мы начинали эту книгу. С темы живого человека.

Работа и любовь

Есть еще одна тема, тема, которую я хотел бы рассмотреть. Коротко ее можно выразить двумя словами: «работа и любовь». Если соединить, перебросить мостик, то можно говорить о том, что, употребляя эти слова внутри своего мира, я говорю о бытии и смысле.

Когда мы говорим о человеке, все сводится к тому, что любовь – это бытие, а работа – смысл. Или работа – это бытие, а любовь – это смысл.

Что же у нас тогда получается? Если возвести работу в принцип жизни, получается постоянная битва. Возвести любовь в принцип жизни – все начинает вокруг сыпаться, потому что тогда на работу не хочется. Возвести творчество в принцип жизни – можно надорваться. Потому что творчество – это предельное напряжение всех душевных сил.

Так куда идти? Надо сесть и проснуться на развилке. Значит, и работа есть только одна, и любовь есть только одна – жить, и творчество есть только одно – стать живым человеком в полном смысле этого слова. Реализовать в себе образ человечества и еще образ, подобием которого ты создан, то есть образ Божий. Все остальное – производное.

Каждый раз, произнося или думая: «работа», мы должны помнить о смысле: работа осмыслена только тогда, когда она ведет к бодрствованию.

Всякий раз, говоря о любви, мы должны помнить о смысле: любовь есть только то, что ведет к любви жить, любви к жизни, к живой ее ткани.

Всякий раз, произнося – творчество, мы должны помнить, что любое творчество только тогда осмысленно, если оно ведет к живому человеку.

И вот три вопроса: что есть работа? Что есть любовь? Что есть творчество? И каков ответ – таков смысл любой работы, любой любви, любого творчества. Но тогда надо добавить четвертое: что есть радость? Радость есть вкушение жизни, вот эта амброзия, вот эта пища богов. Тогда каждый раз, говоря о радости, празднике, наслаждении, удовольствии, мы говорим о раскрытии смысла благодати – вкушать жизнь.

Итак: четыре вопроса. Ища свои ответы в любой ситуации по любому поводу, задавайте эти четыре вопроса и отвечайте на них. Знать эти четыре вопроса, помнить, в чем их суть, – значит располагать всем знанием, которое имел мой Мастер. Он знал эти четыре вопроса. Какой бы ни взяли момент, проблему, кусок жизни своей или чьей-то другой, не забудьте задать четыре вопроса и ответить на них. Ответы принадлежат конкретной проблеме. Вопросы принадлежат миру. Тогда, может быть, вы не будете так грустно размышлять о жизни...

Жизнь – прекрасная вещь, великолепная... Это и есть невеста небесная... Это и есть таинство брака, таинство обручения с жизнью, плоть от плоти и кровь от крови. Все мы посвященные, только не все об этом знаем. Ибо живем, и это и есть высшее посвящение: родиться и жить. Так я вижу, такова моя субъективная истина.

Часть вторая. Смыслы жизни

Тело человеческое

Сказано: родиться в человеческом теле – большая удача. И еще одно: человек создан по образу и подобию Божьему. Задам я и третью отправную точку: Иисус и все другие великие Учителя человечества были воплощены в человеческом теле.

У большинства из нас есть такой штамп восприятия: когда мы говорим «тело», то имеем в виду нечто биологическое, то есть используем это понятие очень узко, противопоставляя ему как нечто чуждое, вне его находящееся, – дух, душу.

Это бытовая привычка, которая породила в нас разделение на красивое и некрасивое, плотское и неплотское. Но мы попробуем в своих размышлениях использовать понятие «тело» ближе к другим значениям, например, из физики – материальное тело, квантовое тело, – и сделаем такой перенос смысла. А еще попробуем осознать, что родиться в человеческом теле – большая удача, что духовные учителя человечества были воплощены в теле человеческом. Сделав это, мы сможем переключиться с обыденного уровня восприятия понятия «тело» на другой, более объемный уровень его восприятия.

Для обозначения других уровней бытия человека тоже используется понятие «тело»: астральное тело, каузальное тело и даже тело Бодхи. И это не случайно, ибо тело, в конечном счете, есть способ ограничить индивидуальное Я, единственную, уникальную, индивидуальную жизнь каждого. Если воспринимать тело как обязательное наличие формы, обязательное наличие ограниченности, тогда перед нами открывается действительная красота этого произведения, действительная возможность восприятия человека как целого.

Привыкнув к однозначности слов, относящихся к человеку, мы говорим «мысль» и надеемся, что все понимают нас одинаково. На самом же деле это совершенно не так, ибо слово «мысль» относится как минимум к десяти совершенно различным вещам, процессам и понятиям. Мы говорим «душа», и это, скорее, поэтическое обобщение великого множества различных проявлений. Мы говорим «плоть» – казалось бы, здесь-то все однозначно, и опять это оказывается не так...

Отграниченность – свойство формы

Отграниченность есть свойство любой формы. Существует отграниченность сознания. Как отметил М. К. Мамардашвили, «все, что можно сказать о сознании определенного, – это то, что оно есть нечто отграниченное». Если обобщить все, что мы можем определенно и безусловно сказать о человеке, – это то, что он есть нечто отграниченное.

При таком определении неминуемо срабатывает рефлекс восприятия: как отграниченное? А трансценденция? Трансценденция – это выход за пределы данности, в данном случае за пределы любой отграниченности. Но ведь на самом деле трансценденция не есть отказ от отграниченности, ведь даже самый тонкий, как принято считать, аспект великого целого под названием «человек» – тело Бодхи – это все равно отграниченность.

Мы привыкли относиться к понятию «граница» как к понятию «предел», «препятствие», воспринимать его как некий синоним клетки, но:

- всякая форма пуста, а всякая пустота оформлена;
- великий квадрат не имеет углов;
- как вверху, так и внизу, как внизу, так и вверху;
- сансара – та же нирвана, нирвана – та же сансара.

И тогда понятие «граница» приобретает другой смысл, который можно передать такими словами: явленность, выделенность, уникальность, возможность четкого восприятия. Только когда мы попробуем совершить усилие к рождению новой, непривычной для нас позиции по отношению к понятию «граница», все, что есть внутри у каждого из нас, вся совокупность представлений, размышлений, переживаний, впечатлений о человеке, а значит, и о самом себе сможет быть переосмыслена заново. И прежде всего это переосмысление должно начаться с понимания, переживания того, что человек, как и все явленное, есть отграниченность, а не беспредел.

Идея растворения в беспредельном – есть идея бегства, слабости или трагичности осознания при видении того, что человек отграничен от Бога, хотя по его образу и подобию сотворен. Но уже этим и отграничен от пространства, от знания, от любой беспредельности. Отграничен. И если бы Великое Среднее усвоило эту на первый взгляд простую истину, то никакие «-измы», никакие идеи о создании «нового» человека, никакие такого рода эксперименты над людьми просто не могли бы возникнуть. Если взять в меньшем объеме, это осознание – единственное, что останавливает маятник, раскачивающийся от комплекса маленького человека к мании величия. Ибо человек не маленькое и не большое, это отграниченность. То есть выражение уникальности: каждый человек ни плох, ни хорош, а есть отдельный, исключительный, неповторимый и имеет право на всю реальность, как и всякий другой.

Поэтому, прежде чем говорить об осознанном взаимодействии с реальностью (хотя осознанное взаимодействие тоже условность, ибо мы сами есть реальность), необходимо непосредственное переживание, действительно соединяющее нас с реальностью. Ищущие разными способами пытаются прийти к такому переживанию. И только в тотальном переживании себя как реальности «сане ар а, действительно, та же нирвана, нирвана – та же сансара» и «великий квадрат не имеет углов».

Воплощение идеи отграниченности

Но надо не только прийти к идее отграниченности, необходимо ее воплотить, а это очень сложная задача. Ибо переживание есть сугубо интимное событие, переживанием никак невозможно поделиться, его можно лишь иногда показать. Переживание – вещь единичная, оно принадлежит субъекту и только ему. «Для усмотрения истины слова не нужны, слова нужны для ее передачи». Чтобы поделиться переживанием, его надо воплотить в бытии своем.

Чтобы прийти и воплотить, чтобы создать условия для такого события, необходимо прежде всего осознать тот факт, что, как и все явленное, человек во всех аспектах своей целостности отграничен. И задача номер один для него – максимально приблизиться к собственным границам. Выйти из них невозможно, – выйдя из них, вы перестанете быть. Эта тотальная смерть, разрушение формы, разрушение отграниченности – в очень тонкой форме не что иное, как тяга к самоубийству. Самоубийство же осуждается как самый тяжкий грех в большинстве религий и духовных традиций, ибо это покушение на воплощенный Дух.

Как же добраться, как опознать себя? Это один из базовых вопросов.

Процесс социализации построен на двух иллюзиях: иллюзии того, что отграниченность задается извне, и иллюзии беспредельности человеческих возможностей.

Человек, как биологическое и социальное существо, сделан из людей. В процессе роста и социализации границы действительно задаются извне. Сначала это границы материнской утробы, потом границы собственного тела (когда младенец начинает осознавать, что это его пальчик, его глазки), потом границы картины мира, задаваемые отцом, матерью и значимыми

другими, они постоянно расширяются, и так рождается вторая иллюзия, иллюзия экспансии, роста, прогресса.

Границы расширяются, и кажется, что только сдерживание со стороны других ограничивает это расширение, развитие. По мере взросления, в процессе жизни, в процессе познания создается иллюзия вечного расширения. Ибо в большинстве аспектов целого мы далеки от своих действительных границ и легко можем представить, что для их достижения понадобятся тысячи воплощений. За восемьдесят, в лучшем случае сто, лет добраться до своих границ темпами, которые задает Великое Среднее, просто невозможно.

Вторая иллюзия опирается на человеческий опыт расширения, создающий ощущение, что человек беспределен в своих возможностях, в своем духовном развитии, в способности к познанию, и только сопротивление внешней реальности устанавливает временный предел; победив же это сопротивление, можно стать беспредельно могущественным.

Иллюзия постоянного расширения плюс совершенно порочная идея безграничности закладывает в сознание механизм, мотивирующий веру в чудо, в бесконечные возможности, что создает такие условия, при которых человек никогда не придет к идее отграниченности, никогда не получит шанс задуматься о себе как о целом, как о теле. Так человек и привыкает считать телом только то, что ограничено кожей. И даже встречая в духовной, эзотерической литературе понятия «астральное тело», «ментальное тело», он отбрасывает слово «тело» и говорит «астрал», «ментал».

Итак, глобальная идея, глобальное понятие, глобальный смысл – ограниченность. Следовательно, задача постижения этого смысла, во-первых, грандиозна по трудности, прежде всего психологической, во-вторых, практически трудна, так как нужно уметь находить или организовывать такой микросоциум, такой коллектив, который занимается именно этим.

Это невероятно трудно, потому что сиддх (высших способностей) бесконечное множество, а мышление ничего другого не делает, как обслуживает наши потребности. Активизировать потребность в тотальной самореализации (а это самореализация не только в карьере или творчестве, но полная самореализация как каждый шаг и миг в жизни), перевести ее с социального программирования на программирование духовным сообществом – это сложнейшая самостоятельная задача. Но до тех пор пока не обнаружена изнутри истинная отграниченность, нет никакого шанса прикоснуться к реальности как таковой, внешней по отношению к своей отграниченности реальности.

В одном из древнейших интерпретирующих текстов сказано, что семь покрывал майи и есть семь тел: физическое, энергетическое, витальное, астральное, ментальное, каузальное и тело Бодхи. Семь тел, семь покрывал, семь якобы отграниченностей. Так возникает еще одна иллюзия движения и расширения, которое в действительности есть не что иное, как переход из камеры поменьше в камеру побольше.

Чтобы обнаружить свою отграниченность, эту иллюзию надо преодолеть. Это один путь. Второй путь – прорваться к реальности напрямую, не познавая себя, условно говоря, а переживая. Переживание индивидуально. Для преодоления стандартных программ существования необходима другая, особым образом вложенная.

Говоря о «транскенденции», необходимо выяснить, по отношению к какой из мнимых границ эта транскенденция происходит. Выход за пределы того, что мы привычно называем физическим телом, – это один вариант транскенденции, за пределы привычного образа себя – другой, выход за пределы, привычные для психоэнергетических взаимоотношений, – третий; но все это в конечном счете – иллюзия выхода. Нельзя выйти из себя в прямом смысле слова, выйти из себя – значит перестать быть. Разрушиться. Потерять форму.

И в теле Бодхи есть отграниченность. Поэтому, когда с помощью новой для себя методики или системы организации пространства сознания, развития психоэнергетических возможностей или функциональных возможностей тела, кто-то обнаруживает, что он куда-то

вышел, то прежде всего стоит подумать, что он пробил дырку из одной камеры в другую. Но если человек все-таки осознает, что вышел не в беспредел и что есть путь дальше, тогда это событие может стать началом пути. А если он решит, что вышел в открытый космос и теперь непосредственно общается с космосом, с Богом, учителями с Ориона, то это «манька» от невежества, запрограммированная охранительная система, заложенная в процессе социализации.

Две иллюзии – внешней заданности границ и беспределности – породили идею ложного прогресса, идею беспредела. Осуждая беспредел политический и преступный, мы симпатизируем этой идее беспредела по отношению к человеку, не понимая, что речь идет на самом деле о духовном коммунизме или фашизме. Это та же идея, которая в социуме порождает коммунизм, фашизм и другие системы изменения параметров человека, моделирование человека под сконструированный идеал, но только перенесенная в духовную плоскость.

Предел – это не «плохо», ибо только через него мы узнаем о существовании целого, только через осознание отграниченности как принципиального факта мы можем пережить воссоединение с реальностью. В этом смысле мы бессмертны. Других обоснований бессмертию не надо. А ловушка начинается с низведения понятия тела до пределов, ограниченных кожей.

Переживание своего тела

Следующий момент, связанный с понятием «тело», состоит в том, что мы его не познаем, а тем более не переживаем. Мы отдали познание этого отграниченного кожей объекта «специалистам». А раз сами не познаем, то и сведения о нем получаем в основном извне. Мы его не переживаем, а значит, как субъекты мы с ним не соединены и, следовательно, оно не наше в строгом смысле слова. Ни физическое тело, ни все остальные нам не принадлежат, они майе принадлежат и в этом смысле чужие.

При рождениях: при первом – биологическом, при втором – социальном и при третьем – духовном – все это вручается нам лично, мы обязаны быть хозяевами этого. Это сделано по образу и подобию Божьему!

Но при первой же попытке это взять люди говорят нам: давай мы поможем, похозяйничаем за тебя. На этом принципе построена вся жизнь в Великом Среднем – отдай нам это, это и это тоже, и мы сделаем тебя свободным. «Свобода от», как известно, самый большой соблазн.

А для чего ее предлагают? Для того чтобы человеком было легко управлять, чтобы он был адаптирован в социуме, добросовестно выполнял законы Великого Среднего, изучал и соблюдал конвенции. И за это был совершенно свободен от ответственности, потому что есть старший, есть руководитель, он отвечает.

Отказаться от трудной и порой трагической работы по познанию себя как образа и подобия Божьего, от переживания себя – не означает ли это отказ от своей самой главной работы и самого главного предназначения? Доступным же это осознание, осмысление, переживание становится только тогда, когда мы усваиваем простой принцип – принцип отграниченности всего сущего. Ибо образ и подобие уже подразумевают отграниченность. И тогда – да! Велик человек, воистину велик, изумительное изделие, изумительное творение!

Но выясняется, что большинство людей в действительности предпочитают ощущать себя маленькими, мания величия – та же возможность ощутить себя маленьким. И делается это очень просто: своему Я присваивается новое имя, великое имя. И все. Я – Наполеон. Пустое Я при полном и великом имени. И незачем тогда изучать, постигать свое хозяйство и переживать самого себя. Ведь хорошо известно, что на уровне социальных потребностей страх самого себя есть главный регулятор поведения. И только преодолев его и решившись

стать хозяином, вы поймете, что человек не матрешка, где одно тело вложено в другое в любом порядке. Отнюдь. «Великий квадрат не имеет углов».

Переживания открывают нам другой контекст понятия «тело». Тело как часть мира, часть реальности, часть, хозяином которой может стать наше Я.

Сотворение себя для себя

Размышляя, осмысляя в этом ракурсе такое понятие, как «любовь», прежде всего мы должны увидеть его состоящим из двух понятий: любви как чувства и любви как переживания. Любовь как чувство – это экспансия, оно описано в литературе, психологии, засвидетельствовано искусством. Только обращаясь к понятию «Божественная любовь», мы обнаруживаем любовь как переживание – это возможность прикосновения к другому. Как сказал Мастер Абу Силг: «Любовь – это снятие дистанции».

В любви как в переживании мы можем обнаружить свою истинную ограниченность. Иными словами, обнаружить себя. В любви как в чувстве мы обнаружить себя не можем, любовь как чувство – вектор, действие, и мы обнаруживаем в чувстве только свои возможности; чем сложнее реализация чувства, тем больше мобилизация, тем больше пробуждение различных возможностей для функционирования. В любви же как в переживании мы имеем шанс обнаружить себя. Без другого себя обнаружить невозможно.

Что такое – обнаружить себя? Это значит выйти на границу себя, хотя бы в одном аспекте; если же это переживание тотально, тогда можно обнаружить себя во всех аспектах, пережить себя и соприкоснуться с другими. Это рождение – очень тонкое состояние, его тонкость состоит в том, что, обнаружив себя в переживании как реальность, вы обнаруживаете как реальность и другого, и наступает момент, когда два становятся одним, оставаясь в то же время двумя. Когда-то об этом переживании было сказано, что это и есть место, где Бог живет. Место, где два – единое, оставаясь в то же время двумя.

Переживания дают возможность и по отношению к так называемому внешнему миру, и по отношению к так называемому внутреннему миру соблости принцип жемчужины. Принцип, при котором новое не отменяет старого, каждый новый слой не отменяет предыдущий. Таким образом, слой за слоем, образуется жемчужина. Только так, переживая и познавая себя и другого, вы будете формироваться как целое.

Если же, бессознательно действуя по принципу вектора, устремленного в беспредел, вы станете отменять каждый предыдущий слой из соображений, что он устарел или не нужен, то за вами всегда будет пустота, ничего плотного не образуется. И тогда покой – тот покой, который ведет к переживанию пребывания себя в реальности, – не наступит никогда, потому что нечему будет покоиться. Не будет Тела Человеческого как вашего тела, а будет одно беспокойство под названием «прогресс». Естественно, что и идеи, порождаемые беспокойством, окажутся соответствующими.

Беспредельность, в буквальном смысле слова отсутствие любого тела, любой ограниченности, есть отсутствие воплощен ноет и, отсутствие образа и подобия. Существует некоторое психическое беспокойство под названием мое Я. Пустое. Абстрактное. Если вокруг этого Я не кристаллизуется опознаваемое, ограниченное, тогда вашего бытия в строгом смысле слова нет (в терминологии Гурджиева, не появляется Хозяин). Тогда существует только жизнь как некоторое психическое беспокойство по разным поводам. Некоторая суэта вокруг Я. Истинное Я плюс неистинное Я – в сумме ноль. Оно нужно только для того, чтобы стать затравочным кристаллом в насыщенном растворе реальной, живой ткани жизни в процессе образования этого перла творения. Ведь в середине жемчужины может быть просто песчинка, обычная, каких бесконечно множество. Так в середине этого перла творения, Тела Человеческого, такой же пустячок – Я.

С каким невероятным почтением мы относимся к этому пустячку под названием самознание. С ним нужно сделать только одно: точно его выставить, то есть успокоить, поставить в центр системы координат. Сделать его стабильным, чтобы можно было наращивать на него слой за слоем до действительно полного тела, до полной своей отграниченности, переживания себя как целого, ибо «возлюби ближнего твоего, как самого себя». Вот такая замечательная мысль.

В том случае, когда работа по обнаружению, опознаванию себя как тела, а следовательно, как реальности, идет непрерывно, любая функциональная деятельность – от удовлетворения потребностей до соблюдения социальных конвенций – помогает в этой работе. Тогда положение человека, находящегося в миру, оказывается гораздо выгоднее, чем положение отшельника. Быть в мире оказывается ситуацией более подходящей для этой затраточной субстанции под названием «Я есмь». Ибо большое разнообразие ситуаций дает возможность при творческом отношении уравнивать различные тяготения и держать «Я есмь» в стабильном положении. Быть представленным самому себе в качестве бытия и означает быть представленным самому себе в качестве тела. В какой степени вы хозяин данного вам тела, в такой степени вы пребываете в бытии.

Суть состоит в том, что так замечательно выражено Флоренским в его мысли о двойственной правде человека, о том, что человек – это две равноправные правды: правда бытия и правда смысла. Именно поэтому с точки зрения бытия мы уже есть во всей полноте образа и подобия, а с точки зрения смысла мы должны стать, то есть прирастить к себе это бытие, которое уже есть. В этом и заключается духовный подвиг – сотворение себя для себя.

Известно, что без разрушения целого из него ничего нельзя изъять, ибо часть в целом обладает свойствами, вне целого не существующими, изъятие же части сразу меняет саму эту часть, превращая ее в нечто отдельное, а также меняет и само целое, оно перестает быть тем, чем было. В целом понятие «случайная деталь» не существует, а посему отбрасывать что-либо ради усовершенствования – это абсурд. Отбрасывая какую-либо часть себя, вы мгновенно становитесь не собой, а другим, и этот другой опять будет вынужден решать проблему самоусовершенствования, что-то отбрасывая, и что же останется в результате? Пустое Я, психологическое беспокойство под названием «жизнь».

С точки зрения смысла возможны любые манипуляции, вплоть до отбрасывания самого Я, если вы обнаружили для себя такой смысл, но в бытии от этого ничего не произойдет, в нем уже все произошло. Оно полнота смысла, а полнота смысла есть полнота переживания себя как реальности, то есть тела. И тогда бытие и смысл уравниваются. С момента их истинной соразмерности и начинается действительное развитие, пребывание в реальности, когда вам дана вся полнота свободы творить.

И когда происходят переживания, называемые самадхи, просветление, то это означает только одно: момент совпадения объема бытия с объемом смысла. Только обретя свое тело субъективно через смысл и бытие, существующее как данность, можно ощутить наличие или отсутствие движения, как оно происходит субъективно и объективно в реальности. Наличие этих двух правд – бытийно существующей независимо от субъекта, его тела, созданного по образу и подобию, и правды смысла, которая может быть соразмерна и не соразмерна бытию как данности, – и определяет ситуацию человека. Ситуацию необходимости постижения себя как бытия, как Тела, иначе человек обречен на иллюзию постоянно повторяющихся рождений.

О смерти и любви

Что такое смерть тела? Значит ли это, что человек перешел в другое состояние? Что такое «умер»? Мы можем только предполагать, потому что мы еще живы. Можно лишь

выдвигать гипотезы, используя свидетельства, которые нам кажутся достоверными. Является ли разрушение того, что мы называем биологическим телом, смертью на уровне бытия? Вряд ли. А на уровне смысла? Вполне возможно. Может быть, не обязательно, но возможно. Решая этот вопрос для себя, быть может, имеет смысл подходить методологически. Какая гипотеза будет стимулировать вас сильнее? Стимулировать для работы по производству смысла, соразмерного бытию.

Если меня стимулирует ужас перед бесконечными воплощениями, то я буду работать максимально интенсивно, если же эта гипотеза меня успокаивает – мол, еще есть время, – то для стимуляции деятельности она не годится. Оценка здесь возможна только относительно главной задачи.

Строго говоря, совершенно неважно, что будет после так называемой смерти. Меня лично это совершенно не волнует; с тех пор как я начал работать, мне не до этого, мне нравится работать. Нет зазора между жизнью и бытием.

А вот в случае, когда вы осознали задачу, но чувствуете, что психологическое беспокойство вас все время отвлекает, – имеет смысл выбрать ту гипотезу посмертного существования, которая вас больше стимулирует. В этом смысле смерть действительно лучший учитель. Для людей, особо погруженных в биологическую часть реальности, страх смерти – один из самых сильных стимуляторов деятельности по поискам бессмертия.

Теперь уйдем от темы смерти к теме любви, то есть к продолжению жизни. Прежде всего необходимо осознать, что чувство разъединяет, а переживание соединяет. Чувство – это определенный способ самоутверждения, подтверждение собственного существования, ибо я испытываю чувство, направленное «на». Тот, на кого направлено чувство, – это уже нечто другое.

Переживание же соединяет. Любовь как переживание подразумевает слияние с другим. Именно переживание создает ощущение исчезновения. Смешиваются страх и размышления на тему, кто кого околдовал, кто кого сглазил, начинает работать разнообразная защита, и вновь наступает разделение. Конечно, в действительности никто не исчезает, на самом деле вы просто перешагиваете привычные для себя границы субъективного, установленные внешне, открываете в себе новые необозримые просторы, и Я, которое начинает перемещаться по этим просторам, пугается. А оно просто должно стоять в нуле и наращивать слой за слоем.

Театр жизни

Всем известно выражение Шекспира: «Весь мир – театр, в нем женщины, мужчины – все актеры... и каждый не одну играет роль». А я бы хотел с этим не согласиться. И на это несогласие в наше время у меня, на мой взгляд, есть достаточно серьезные причины.

После многих лет практики, размышлений, экспериментов в области театра, различных форм театра я пришел к выводу, что граница, которая отделяет театр от нетеатра, – это зритель.

В жизни, когда к ней относятся как к театру, стоят памятники идеальным героям. И по этим памятникам нас учат, «делать жизнь с кого». То есть вот идеальный исполнитель роли, а ты молодой, начинающий артист и, если ты хочешь пробиться в герои, значит, давай репетируй, дави себя, обстригай, все неподходящее внутрь загоняй, но будь и соответствуй. Это социальный аспект игры в театр жизни.

Второй аспект еще, может быть, более сложный и вызовет кое у кого негативную реакцию, но я (еще раз напоминаю) высказываю свое личное мнение.

В так называемой эзотерической литературе различных традиций мы читаем о психотехнических приемах структурирования своей внутренней реальности и о необходимости

вести в свою внутреннюю реальность так называемого незаинтересованного наблюдателя для выработки стабильного самосознания.

Теперь давайте подумаем: если человек выступает в роли незаинтересованного наблюдателя, то он, наверное, ученый. Тогда жизнь превращается в технологический акт. Мы имеем некий исходный продукт, а в конце хотим получить другой. Для того чтобы вся технология была соблюдена, мы используем незаинтересованного наблюдателя внутри себя либо наставника – тоже в каком-то смысле незаинтересованного наблюдателя. Если же наш внутренний наблюдатель стал вдруг заинтересованным (очень трудно быть незаинтересованным наблюдателем по отношению к себе) – он стал зрителем. И тогда весь этот технологический процесс превращается в спектакль.

Но если я рассматриваю собственную жизнь как акт своего творения, то во мне есть мое Я – Творец. Я – режиссер и автор одновременно, то есть жизнь сделана мною и прожита, пережита мною, и под каждым событием и действием стоит моя подпись.

У меня сложилось убеждение, что даже для образного сравнения или для какой-то ассоциативной параллели нельзя говорить, что мир – это театр, жизнь – пьеса, а люди играют роли. Люди играют роли и без этого, в пьесе, которую не они написали, – это все то, что называется «социальные роли».

Во что играем?

Давайте выбирать. Либо жить и иногда посещать театр ради эстетического удовольствия, ради сопереживания, ради таинственного процесса взаимодействия между творящим и воспринимающим творение – ибо оба друг другу неразрывно нужны. Либо давайте не ходить в театр. Если мы живем в театре, если мы уже актеры, играем роли в пьесе, не нами написанной, то тогда искусство – уже не искусство, а наркотик. Тебе в пьесе досталась скучная роль, но мы тебе сочиним вот такой вот сюжет и к, дадим возможность отождествиться с героем или героиней на два часа и пожить, как они. Вот такие вот игрушки.

С одной стороны, все механизмы психологической защиты, созданные человеком на протяжении его существования, играют, безусловно, позитивную роль, давая ему возможность выжить и адаптироваться. Но, с другой стороны, именно эти же механизмы не дают ему развиваться.

Защита может быть пассивной, оборонительной, а может быть активной, творческой. Отсюда возникают две совершенно противоположные позиции. Согласно одной, жизнь сама по себе прекрасна, но люди ее пока еще недостойны, или не все ее достойны, или мы ее достойны, а они – нет. Естественно, версии разные. Вторая позиция встречается гораздо реже. Она гласит, что люди-то достойны, но они вынуждены жить недостойной их жизнью.

Наблюдатель и творец

Говоря о наблюдателе, я упоминал о двух возможностях. Первая заключается в том, что он действительно будет беспристрастным – и тогда это ученый, он изучает законы ролевого поведения, ибо социальная жизнь невозможна без конвенций. А ролевое поведение – это и есть конвенциональный договор, на основе которого мы согласуем множество разных индивидуальных порывов в какой-то совместной деятельности, в том числе в общежитии. Я говорил о том, что надо найти способ развести в себе инструмент, типическое, то, чем вы это делаете, с тем, кто это делает, то есть субъектом.

Но невключенный наблюдатель не может быть творцом. Можно говорить, что творец, творческое начало живет в подсознании, можно говорить, что это сверхсознание и что оно принципиально не контролируется, ибо это мутация. Можно говорить о том, что логика развития так называемой западноевропейской цивилизации, логика рационализма не только как

способа познания, а как способа жить и действовать, знаменитое «Cogito ergo sum», привело нас к тому, что рационализм заменил в нас творца и таким образом сделал образцовыми членами общества потребления. Все, что нам позволено, – это изучать инструкции по пользованию готовым товаром.

Когда я говорю, что надо уйти из театра жизни, я говорю, что надо жить, а не быть зрителем. Жить – это значит не быть зрителем чужого представления, а быть действующим лицом этой великолепной пьесы, ее соавтором. И это вторая возможность.

Любовь к себе и другим

Чтобы полюбить себя, надо себя обнаружить. Как считают большинство специалистов, для того чтобы обнаружить себя изначально, нужна безрассудно любящая мать, которая любит вас, потому что вы – это вы. Которая никогда, даже в шутку, а тем более для педагогических целей не скажет: вот у соседней мальчик – это мальчик, а ты... Никогда не скажет вам: «Дурак» и «Недоразвитый» и более страшные слова, которые, к сожалению, родители детям говорят в состоянии аффекта или в состоянии рациональной педагогики.

Следующая возможность – это возможность детского сада, средней школы, которые должны были бы компенсировать человеку недостаточно положительную самооценку, сформированную в семье. Но и в садике, и в школе человек больше слышит о своих недостатках, чем о достоинствах. Его с детства учат видеть себя в минусе, и никто не учит видеть в плюсе. А если он пытается здоровым человеческим инстинктом человеческой души компенсировать это самовосхвалением, то еще и ремнем могут приложить. «Что ты хвастаешься, что ты вообще зазнался»...

Я уже не говорю о том, что даже любящие родители обсуждают форму носа, ушей, роста, комплекции. Театр!.. «Ты на эту роль – моего ребенка – не подходишь по внешним данным». И потому человек всю жизнь мается в большей или меньшей степени невротизированности и с манией величия как компенсаторной. Или происходит обратное: развивается комплекс маленького человека: «А что я могу сделать? Ничего я не могу сделать: и он прав, и она права, и начальник прав, и жена права (или муж), и ребенок прав, и государство – все правы. Ничего уж тут не поделаешь, уж такая тут ситуация. А я... Что я... СДЕЛАЙТЕ СО МНОЙ ЧТО-НИБУДЬ!»

Можно ли полюбить другого, не любя себя? Нет! Это не-воз-мож-но. Можно заставить себя хорошо относиться к людям. Но любить их, не любя себя, невозможно. Значит, нужно искать такое окружение, такой микросоциум, в котором будут видеть ваши достоинства и не очень замечать недостатки – искренне, не из педагогики. Вы найдете, если поймете, что это самое главное, что нужно найти в жизни.

В чем великая и бесконечная мудрость влюбленного человека? Для него достоинства затмевают недостатки. Это и есть любовь, это снятие дистанции. Как же можно снять дистанцию, если вы заняты тем, как перевоспитать, переделать, довести до совершенства? Ваш любимый человек совершенен изначально – и все. И все мы совершенны, ибо созданы по образу и подобию Божьему. Это раз. И являемся образом всего человечества – два. Разве мало основания для величия человеческого? Более чем. Так пусть ваши собственные достоинства для вас самих заслонят ваши недостатки. И тогда недостатки сами собой трансформироваться будут.

А вот сыграть любовь нельзя. Это лучшее доказательство, что жизнь – не театр. Как только дело касается любви, в театральном искусстве возникает масса проблем. Замечательно сказано: граница всякой технологии – любовь. Как только любовь – все, никаких технологий нет и быть не может. Ибо технология предназначена для работы с объектом – это и

есть проблема возраста, все труднее рискнуть вступить в живые непредсказуемые отношения с человеком как субъектом.

Технология жизни, или кто кого живет

Попробуем человеческую жизнь рассмотреть как некоторое производство. Это, конечно, обедняет наш взгляд, делает его чрезмерно функциональным, но дает возможность подойти к знакомому материалу, может быть, с несколько неожиданной стороны.

Прежде всего я рискну предложить вам следующее утверждение: в определенном аспекте можно рассматривать процесс жизни как некую вещь, имеющую собственный закон, как некоторый механизм, внешний по отношению к человеку. Это не означает, что я даю жизни какое-то определение. Я предлагаю попытаться посмотреть, что нам откроется с этой позиции.

На каком основании можно занять такую позицию и попытаться ею воспользоваться? Для этого нужны два исходных осознания. Первое связано с необходимостью напомнить себе, что человек сделан из людей. Это вопрос принципиальный. Я сразу хочу поставить вас в известность, что не претендую на какую-то истину в последней инстанции типа как оно есть на самом деле, – все, что я здесь вам буду говорить, – это моя позиция, мой совершенно субъективный взгляд на эти вопросы, без всякой претензии на степень так называемой объективности.

Человек сделан из людей – это не просто метафора, не просто выразительный образ. Это позиция для человека, который интересуется конструктивными аспектами психологии, помогающими отвечать на вопросы: «Что надо сделать?», «Как это надо сделать?», «В какой последовательности?» Я убежден, для него очень важно довести это осознание до совершенно естественного состояния сознания по отношению к любым проблемам жизни.

Человек сделан из своих предков. Человек сделан из своей семьи. Человек сделан из своего круга, в который входит семья в широком смысле этого слова: родители, родственники, друзья, знакомые. Потом он сделан из компании своих сверстников. Затем туда добавляются воспитатели, учителя в школе и т. д. Дальше появляются идеальные образы людей, которые влияют на его формирование. Одним из главных элементов тела личности человека будет тот социально-психологический мир, в котором он прошел процесс социализации. Итак, человек сделан из людей, но мы знаем, что при всем этом в нем существует его уникальность.

Это то, что называется субъективностью, самосознанием, самоосознанием, самоидентичностью, – все, что связано со словом «само». А вокруг него существует уже готовая жизнь. И когда человек впервые для себя открывает это... Наступает такой момент в подростковом возрасте, когда вдруг возникает осознание, что я – вот он я, и я влип в эту историю под названием «Вот так надо жить». Почему так именно жить? Зачем надо жить именно так? Почему именно в это время? Почему именно в этой стране? Почему именно в этой семье? Почему именно в этом социально-психологическом мире? А почему я не китаец? А почему я не родился в семье руководящих работников? А почему я родился в семье с маленьким или, наоборот, большим материальным достатком? А другие люди живут совсем иначе, и то, что мне нормально, для них чрезвычайное происшествие.

Вот первый момент, связанный с попыткой осмыслить себя как себя, себя как нечто уникальное, как нечто субъективное. Если вы помните это переживание, то оно именно такое: взяли и бросили во это все. И это помнится как тяжелый, сложный, драматический момент в жизни каждого.

С этого момента либо начинается постоянное взаимодействие между человеком – Я – и жизнью. Либо начинается постоянное стремление адаптироваться до такой степени, чтобы эти вопросы исчезли.

Один момент: во мне нарастает противопоставление – это я, а это жизнь. Второй момент: во мне исчезает двойственность – вот жизнь, и она есть я.

Когда-то я в подростковом возрасте очень остро реагировал, а мне говорили (такая любимая была у взрослых присказка): «Ничего, жизнь тебя обломает». Само существование такого выражения уже показывает, что жизнь, о которой говорится в данной пословице, враждебна по отношению к субъекту. Потому что она его обламывает.

Почему нет таких поговорок: «Жизнь тебя будет лелеять», «Жизнь тебя наполнит радостью»? А «Жизнь тебя обломает» существует, и существует в качестве одного из серьезных родительско-воспитательских моментов. «А почему она должна меня обломать, а не я ее?» – спрашивал я всегда. Я занял такую позицию: «Еще посмотрим, кто кого!» И это была моя роковая позиция.

Почему? Потому что мы с жизнью с тех пор так и сражаемся. И, сражаясь с нею, с готовой, не мною выбранной, не мною созданной, я пришел к глубочайшему убеждению, что нет недостойных людей, а есть недостойная людей жизнь, которой они вынуждены жить.

Вот есть жизнь, она тебе дана. Вот есть ты, ты себе не дан, если не сделаешь соответствующей внутренней работы. Ты себе не дан, потому что все тебе напоминают: я тебе дал жизнь, мы тебе дали жизнь. Государство говорит: «Мы тебе дали возможность стать человеком». Подразумеваемая личность, функциональность: «Мы тебе дали возможность приобщиться к святому духу». Мы тебе... Все мне что-то дают. Но что же они за это берут? Ведь так не бывает: дают – и ничего за это не берут. Что они у меня берут? Они у меня за это берут меня, отбирают меня за то, что все дали. Я этого не выбирал. Я этого не делал. Это дано, и меня еще до конца дней будут уговаривать, что это хорошо, что это так и надо, что моя задача – адаптироваться к этому всему данному и тогда я все получу.

Есть ли кто-нибудь, кто мне просто даст, потому что мне нужно, потому что я попросил, а не за что-то? Чтобы это выяснить, мы с вами вынуждены ввести некое разграничение, разграниченность: вот жизнь, которая дана, и либо она тебя обломает, либо ты ее, – а вот бытие, которое ты обретаешь либо не обретаешь. Но тебе его никто не дает.

Ты имеешь возможность обрести в себе самом для себя бытие. Это и есть твоя собственная, субъективная возможность. И в этом смысл всех истинных духовных традиций. Есть совершенно замечательное суфийское выражение: «Человек создан, чтобы учиться».

В каком смысле? Человек пришел сюда, чтобы взять, обрести, открыть для себя бытие, лично для себя, чтобы быть нужным самому себе прежде всего. Нас долго уговаривали, что если мы чувствуем свою нужность кому-то, то это значит – мы хорошо живем. Это значит – все прекрасно, мы должны радоваться, мы должны быть счастливы. Да, это очень неплохо, когда мы кому-то нужны. Хорошо бы еще знать, кому и зачем, в каждом отдельном случае. Но ведь самый главный вопрос: зачем я себе самому нужен?

Не зачем мне нужна эта жизнь, тут меня никто не спрашивал. Уйти из нее добровольно – это вариант, конечно, проявление самости, но это не ответ на вопрос: зачем же я здесь был, вообще я зачем был? Ни зачем. Меня позвали сюда, привели, дали мне это...

А зачем я здесь был? Ведь в глубине каждому из нас хочется, хотя бы в последний день, перед тем как покинуть это все, узнать. Поэтому мы ходим ко всем этим гадалкам, астрологам, соционикам, калинаускасам всяким и спрашиваем что-то про себя. А на самом-то деле мы спрашиваем: зачем я тут? Я, лично я, не наше поколение, не мой народ, не человечество в целом. Здесь нужно получить некоторое субъективное переживание истины, в котором мне самому откроется моя собственная ценность, для себя самого. Может быть, неуклюжее

сочетание: в себе самом для себя бытие, но, мне кажется, без представленности самому себе невозможно попасть в такое место, в котором жизнь тебя не обломает.

Жизнь может быть мучительной, вполне допускаю, но не для того, чтобы мучиться. Она может быть мучительной от обстоятельств, от времени, от устремлений, от претензий, притязаний. Но она не должна мучить, измучивать меня, не должна меня лишать собственности на самого себя и нужности себе самому.

Жизнь сама не ответит на этот вопрос, вопрос нужности самому себе, потому что она механистична. Да, я могу участвовать, я могу попытаться изменить что-то в механизме жизни своей, своих друзей, какого-то количества людей, не очень большого, – вот и все, что я могу сделать по отношению к жизни. Иллюзии по поводу того, что жизнь можно «переделать», исчезают довольно быстро. Мы видели много вариантов, знаем из истории, на себе испытали: в попытках переделать, сконструировать жизнь, по модели построить что-то не получается.

Может, и не надо... Может, нужно понять, что жизнь – это все-таки не первопричина. Есть масса людей, которые достойны сами по себе. В очень сложных и печальных обстоятельствах они не теряют своей полноты бытия. А есть масса людей, которые живут, с нашей точки зрения, в идеальных обстоятельствах, но никакой полноты бытия не имеют.

Мы можем быть богаты материально, но сколько бы мы ни зарабатывали, все мы бедны душой, пока не имеем самого себя. До тех пор пока жизнь нас обламывает.

Технология жизни

Я не знаю, есть ли такие работы (мне не попадались), в которых посчитано, сколько вообще расписаний жизни существует. Вот исходная, стартовая позиция отдельно взятого конкретного человека: сколько возможных расписаний жизни он имеет? Я думаю, что не очень много.

По разговорам с людьми, по общению – в среднем где-то три, может быть четыре варианта – обозримых, наполненных конкретикой, мотивацией, ценностными установками. Расписаны они так: вот этот этап – в конце такой приз, потом этот этап – в конце такой приз, а потом в конце такой приз, а потом ты будешь иметь все, что надо.

А дальше? Я еще не слышал ни одного сценария жизни, в котором было бы продолжение после момента: «А потом ты будешь иметь все, что надо». Представьте себе, что у меня нет самостоятельной позиции по отношению к жизни, нет субъектной позиции. Могу ли я глубинно хотеть завершить этот сценарий: «иметь все, что надо»? Дальше-то ничего, никакого сценария нет.

Значит, если я отношусь к жизни как к тому, во что я «всунут», то сценарий «Иметь все, что надо» будет иметь такое продолжение: «Теперь ты будешь жить для детей. И то, что ты не доделал, они доделают, чего ты не допел, они допоют – просто будут обязаны».

Многие люди именно так и живут. Трудно признаться, что я получил готовый сценарий жизни, который от меня не зависит, и в этом сценарии финальная сцена: «У тебя есть все, что нужно для жизни»...

А до этого момента в сценарии что я делаю? Ведь у меня до этого «все, что нужно для жизни», ничего нет. До этого места жизнь сама по себе.

Мы все с удовольствием про сценарии жизни читаем, принимая это как данность. Но ведь если я имею позицию: вот я, а вот жизнь, – я могу осознать сценарий, допустим, навязанный мне в детстве. Реализацию сыграть очень просто. Нужно просто встать и сказать: «У меня уже есть все, что надо для жизни». Что теперь дальше, дорогие товарищи, родители, управляющие, начальники, воспитатели, психотерапевты? Что теперь? Вот с этого момента начинается вызов, начинается неготовая, создаваемая вами самими жизнь.

Зачем этим интересоваться и чего можно достичь? Можно достичь осознания, что в каждый момент времени у вас есть все, что нужно для каждого момента времени. Если вы заняли такую позицию, вы можете принимать все жизненные сценарии как роль, которую можно сыграть. Многие часто спрашивают: «А что, надо во все играть?» В смысле притворяться, в смысле лицедействовать. Я говорю: «Нет. Зачем?»

Шахматист играет в шахматы. Разве кто-нибудь скажет ему: ты артист, ты играешь, изображаешь, обманываешь. Он играет в шахматы. Человек, играющий в социальную жизнь, как шахматист, он что, притворяется? Нет! Он просто видит доску, фигуры, противника, расстановку сил. Поскольку все сценарии построены по спортивному принципу (мы в такой цивилизации живем), ты, естественно, либо побеждаешь, либо проигрываешь. Оказывается, человека сюда забросили участвовать в бесконечных соревнованиях. Жизнь как спорт. Я не хочу такой жизни.

Есть то, что называется частной жизнью. Частная жизнь есть, и без нее нет субъекта. Так вот, в частной жизни играть не надо. Потому что – это и есть вы. Это единственное место, где все ваше собственное. Тут у вас выбор был: с кем дружить, с кем общаться неформально, кого любить, кого ненавидеть и т. д.

Прекрасный частный мир

Свой частный мир вы можете организовать независимо, и никто вас не накажет за то, что вы отбором занимаетесь. Вы – солист в частной жизни, а вот вся остальная жизнь – она не ваша, и в нее надо играть. Чтобы вас не смущало слово «играть», давайте скажем так: с этим надо работать. Конечно, мой жизнерадостный оптимизм не означает, что это так легко, просто. Нет!

Я еще раз повторяю: жизнь может быть и мучительной. Но если не она вас, а вы ее, то эта тяжесть или мука не раздавливает, потому что это только сопротивление материала, сопротивление обстоятельств и прочего вашему замыслу. Ибо замысел жизни может быть только личным, персональным, интимным, субъективным.

Субъективный – еще недавно было весьма ругательное слово. Но это же самое прекрасное – субъективное, имеющее право на существование не в качестве грез, – хотя и грезы имеют право на существование, – а в качестве замысла. Замысел – это всегда субъективное. Его нельзя доказывать логическим путем.

Раз жизнь мне дали, так почему я не могу ее сделать произведением собственного искусства?

Невозможный замысел – это коллективный замысел жизни. Потому что коллективный замысел жизни – тонкое насилие, конвенция, туда частную жизнь никак не встроить. Тогда частная жизнь отпадает, мы уже говорили: человек перестает быть нужным самому себе.

Таков момент необходимого растождествления с той частью всего, что называется жизнью, которая не имеет отношения к моей субъективности, которая мне дана и которая все время почему-то хочет меня обломать. Она все время зовет меня: «На старт!» – а в конце раздает призы или, наоборот, не дает призов, потому что я прибежал последним. Вот с этой жизнью надо работать, а чтобы с ней работать творчески, нужно иметь замысел.

Великий замысел жизни

Допустим, мы вспомнили свои подростковые годы, наполнили их рациональным осмыслением и, не дожидаясь, пока у нас будет «все, что нужно для жизни», решили начать жить, чтобы не она нами жила. Я не знаю, как это лучше по-русски сказать. Часто не человек живет жизнью, а жизнь живет человеком. Жизнь человека переломала, раздавила, обтесала, то есть он по отношению к жизни фигура страдательная, а она – что-то мистическое, таин-

ственное, беспощадное. А надо наоборот, чтобы это я жил, можно еще и с ней, с жизнью, – ну, это вопрос любви, взаимного желания.

Давайте это все вспомним и скажем себе: «У меня уже все есть, что нужно для жизни».

А что нужно для жизни? Исчерпывающий список очень простой, он из двух предметов: Я и Жизнь. Больше для жизни ничего не нужно. Я порожаю замысел, я добываю соответствующие знания, как его (замысел) реализовать.

У меня есть предмет обожания – жизнь. И я начинаю свою самодеятельность. Другой вопрос, что это взаимодействие тоже бывает разное, то есть вы можете всю жизнь – всю свою частную жизнь – провести в борьбе с жизнью.

Когда я говорю «прожить жизнь» – это относится к частной жизни. Другой субъективной жизни нет.

Итак, замысел зависит только от вас. Никакой психоанализ, никакие родительские залечатки, никакие матрицы, никакие соционические типы, никакие астрологические прогнозы ничего вам не скажут про то, какой у вас должен быть замысел жизни и должен ли он быть вообще.

Замысел может родиться только тогда, когда вы разорвали предопределенность, вышли из ситуации, в которой неясно, где вы, а где ваша жизнь. Либо это любовный замысел по отношению к миру, либо это любовный замысел по отношению к себе, либо это попытка найти взаимность... Это творчество.

Когда есть замысел жизни, появляется возможность действительного саморазвития, самосовершенствования, вообще всякие истинные «само» появляются только в этом случае. Пока жизнь меня живет, какие тут «само»? Кричу: «Сам, я сам прожил свою жизнь!» Свою? Какую свою? Жил жизнью своего поколения, жизнью своего клана, жизнью своих товарищей по работе, своего предприятия. Какую свою?

Выясняется, что очень многие люди не живут даже свою семейную жизнь. Они живут жизнь образцовой семьи, жизнь советской семьи, жизнь несчастной (счастливой) семьи.

Есть люди, которые прекрасно понимают, как навязать людям под названием «жизнь» то, что нужно в данный момент государству. Если человек не вспоминает про субъекта и его достоинство, про то, что смысл существования человека есть он сам, и если его самого нет, – легко можно им управлять.

Нужно постоянно помнить, чувствовать, что у нас все для жизни есть сразу, ибо сразу есть жизнь и есть Я. Именно поэтому у управляющих возникает такая негативная реакция на словосочетание: технология жизни.

Мы часто говорим, что в экстремальных условиях нужно помочь людям разработать технологию поведения. А разве жизнь, которая нас живет, – это не постоянная экстремальная ситуация по отношению к субъекту? Постоянная. Даже если у субъекта четыреста миллионов годового дохода. Богатые действительно плачут.

Замысел жизни нельзя присвоить как инструкцию. Нельзя сказать человеку: «Вот тебе замысел, пожалуйста, дарю». Или открыть склад замыслов жизни, мол, у нас на полочке пятьсот штук разных замыслов, выбирай любой, бесплатно бери замысел и осуществляй. Это не будет замысел, это будет опять же некий сценарий. Замысел рождается! Но, может быть, можно подсказать человеку, как быть, как решиться быть. «Давай, парень! Не трусь, девушка. Смелей! Это трудно, но прекрасно – жить свою жизнь».

Играть или не играть?

Играть – это работа. Она может быть творчеством, может быть хорошим знанием правил, может быть искусством рассчитать или искусством ухватить фортуны за хвост. А может быть искусством ждать, когда придет фарт.

Период индивидуальности – это в основном «брачные игры». Период личности – это игры, связанные с завоеванием социальной территории, социального признания, игры самовыражения и самоутверждения. Период сущности – игры, в которые играет Я.

Конечно, быть игроком – всегда риск, потому что страшно проиграть. Но азарт, творчество, кураж! Безопаснее отказаться от игры. Но это значит – отказаться от личности. А отказаться от личности – значит либо быть инфантильным, вечно «подающим надежды», либо откатиться на окраины социума, где господствует принцип «сила есть – ума не надо», где несостоявшаяся личность торгует телом; либо превратиться в социальный винтик. В любом варианте это приводит к кризису при переходе к следующему периоду – периоду сущности. Либо ты – Игрок, либо ты фигура на доске социальных шахмат.

Так же как если в первом периоде отказаться от индивидуальности: ну например, посвятить весь этот период жизни компьютеру библиотеке, – то к двадцати пяти – двадцати семи годам вы не приобретете никакого опыта социальных отношений с людьми, у вас будет бедный набор социальных ролей, которые вам практически знакомы, и полное незнание правил социальных игр. И может случиться так, что к моменту, когда основной энергетический ресурс будет связан с жизнью личности, ресурс этот окажется мизерным. Подобное происшествие ждет вас, если вы отказались от игры в период личности. Может быть, это объяснение знаменитого кризиса тридцатисемилетних?

Игра – великолепный источник переживаний

Игра – ведь это не в банальном смысле – «кто кого». Игра как искусство, как радость, как азарт, кураж...

Знаете, когда спрашивают: «А как стать знаменитым, красивым и т. д.?» Если поставить цель стать знаменитым, то это стопроцентное попадание в фигуры, потому что это вопрос – как продаться. Стать знаменитым, вообще-то, очень легко. Только нужно очень точно рассчитать, где больше всего за тебя заплатят. Для меня знаменитость в этом смысле – это цена, которую за тебя заплатили: чем больше, тем знаменитей. «Он стоит для нас миллионы».

Получить подписанный контракт – это одно, а вот прославиться – это совсем другое, это выигрыш. Разброс такой: либо в период индивидуальности выиграть на беговой дорожке, в прямом и переносном смысле; либо в период личности выиграть большую игру; либо в период сущности засвидетельствовать что-то бытийное.

Но есть еще одно, на мой взгляд, более интересное социальное положение, которое бы назвал «Стать кем-то». Это может принести побочные последствия: славу, известность, но как задача – это действительно стоит отдельно.

При такой задаче не надо продаваться ни в явном, ни в тайном виде. Но «стать кем-то» – это требует определенной внутренней устремленности и замысла. Замысла на пределе возможного в воображении, не мечты такой, знаете ли, «хорошо бы стать», а замысла...

А если вы – не игрок, тогда продавайтесь.

Определить, игрок или не игрок – очень просто. Если человек ищет свой путь – значит, он игрок. А если следует указанным путем – фигура. Сложнее с детьми. Единственное, что могу посоветовать: поощряйте в детях азарт – азарт, риск, смелость играть, желание играть... Выдавайте плюс-подкрепления на этот счет. До семи лет ребенок должен все

это попробовать, все три периода жизни в миниатюре прокрутить, и желательно с балансом плюс, понимаете. «Эх! Сейчас поживу!»

Жизнь человеческая

Поговорим о жизни. О человеческой, естественно. О другой какой смысл говорить? Мы ее не знаем.

Попробуем обозначить исходные позиции нашего анализа процессов жизни человека. Первая позиция такая: самореализация. Мы ее можем представить в виде двух основных процессов: процесса самоутверждения и процесса самовыражения.

Если мы смотрим на жизнь с точки зрения самоутверждения, то у нас возникают такие проблемы, как замысел жизни, сценарий жизни, сопротивление материала жизни. Мы исследуем активные взаимоотношения между человеком и его наличной ситуацией.

Если мы смотрим на самореализацию с точки зрения самовыражения, тогда мы должны говорить о внутренней реальности человека, о богатстве этой реальности, о достаточной или недостаточной степени владения собой, знания и умения управлять внутренней реальностью, то есть своим субъективным миром: мыслями, чувствами, переживаниями, образами для объективации жизни субъективного мира.

Все это необходимо для того, чтобы внутреннее сделать внешним, то есть сделать доступным и максимально понятным для людей и реальности богатство своего внутреннего мира.

Это два разных момента в процессе самореализации. И, как показывают практика, опыт наблюдений, литература, человек очень часто не фиксирует для себя самого, что это два принципиально разных момента его желания найти и реализовать смысл своей персональной индивидуальной жизни. Но надо помнить, что разделяются эти два процесса только в анализе, в жизни они переплетаются, и важно разобраться в том, что в данный конкретный момент доминирует у человека. Это отправная точка. Давайте с нее и посмотрим на проблемы жизни и поиска смысла.

Кризисы смысла жизни в пути

Всякий кризис смысла жизни связан с проблемой веры. Особенно ярко это проявляется в том случае, если человек пробует решить свои духовные проблемы с помощью какой-либо традиции, так сказать, двигаясь по духовному пути.

Отрабатывая каждый этап духовного пути в любой из традиций, будь то традиции силы, управления, медитативные, трансформационные традиции, – человек попадает в определенный кризис, данному этапу соответствующий. Потому что на духовном пути главная задача, первоначальная – это встреча с самим собой.

Особенно тяжелый момент на духовном пути в любой традиции – это момент встречи с собой. Человек видит себя в развороте и видит трезво: от самого плюса до самого минуса. Он видит себя как реальность, вне себя положенную. Встреча с собой таким, каков я есть в полном объеме: со всем хорошим и плохим, правильным и неправильным, нужным и не нужным, с тем, о котором говорят и думают другие, с тем, о котором стараюсь не помнить я. Мы часто забываем, что ничего человек не знает так плохо, как самого себя. Когда человек встречается с самим собой, то есть начинает себя видеть, освобождаясь постепенно от психологической защиты, от разнообразных иллюзий по поводу самого себя, – это серьезнейшее переживание.

Не нужно забывать, что есть еще тот, кто это видит, то есть субъект как таковой (чистый субъект). Если бы этого не было, не было бы никаких шансов. Когда этого субъекта нет или

когда человек забывает о себе как о субъекте – возникают депрессии, суицидные намерения, бегство назад из духовности. «Зачем я с этим связался? Жил себе, и ничего, кругом люди живут, ни о чем не думают, счастливые и веселые...»

Но есть тот, кто это видит, и ради него делается эта работа. Потому что все мы, в определенном смысле слова, имеем полный набор: все мы – лжецы, предатели, воры, убийцы в разных масштабах, и все мы – герои, гении, пророки, святые в разных масштабах. Любой человек имеет весь этот разворот в своей потенциальности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.